

Фонд биосферного хозяйства

Научно-практический журнал

**СИБИРЬ:
ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ**

2026 № 1(12)

(20 июля 2026)

В журнале публикуются исследования самого широкого естественнонаучного и гуманитарного спектра о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

Учредитель: Фонд биосферного хозяйства

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, Координатор проектов «Научные исследования» и «Биосферное хозяйство» Фонда биосферного хозяйства

Моложников В.Н. – д.б.н., председатель Байкальского отдела Русского географического общества

Вашукевич Ю.Е. – к.э.н, доцент кафедры «Охотоведения и биоэкологии» Института управления природными ресурсами-факультета охотоведения Иркутского государственного аграрного университета им. А.А. Ежевского

Димитриев А.В. – к.б.н., доцент кафедры природопользования и геоэкологии Историко-географического факультета Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Ушакова Е.В. – д.филос.н., профессор кафедры физической культуры и здорового образа жизни, Алтайский государственный медицинский университет

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда биосферного хозяйства

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей

www.biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала : ежеквартально

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

© Фонд биосферного хозяйства, 2026

© Авторы, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.В. Винобер. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк пятый	5
А.В. Винобер. Бурятский язык: современное состояние. Тенденции и перспективы (субъективные заметки независимого эксперта).....	21
А.В. Винобер, Е.В. Винобер. Бернгард Петри. Начало полевых исследований в Прибайкалье (1912-1913 гг.)	48
Е.В. Винобер, А.В. Винобер. Из наблюдений над декором оконных наличников в малых населенных пунктах Эхирит-Булагатского, Качугского и Иркутского районов Иркутской области (взгляд краеведов).....	65

/

CONTENTS

A.V. Vinober. Archaeology and ethnogenesis: metaphysical studies. The fifth essay	5
A.V. Vinober. The buryat language: the current state. Trends and prospects (subjective notes by an independent expert)	21
A.V. Vinober, E.V. Vinober. Berngard Petri. The beginning of field research in the Baikal region (1912-1913)	48
E.V. Vinober, A.V. Vinober. From observations on the decoration of window frames in small settlements of the Ehirit-Bulagatsky, Kachugsky and Irkutsk districts of the Irkutsk region (the view of local historians)	65

УДК 902+572

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГЕНЕЗ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ. ОЧЕРК ПЯТЫЙ

В первом приближении автор касается слабых мест теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Немало авторов используют терминологию Л.Н. Гумилева, его аргументы и экстраполяции без серьезного анализа и критического осмысления. Теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым, видится как не естественно-научная теория и системно-историческое гуманитарное исследование, а скорее, как метафизическая теория этногенеза и понимания процессов всемирной истории, как процессов неясной космической природы, на основе субъективной метафористики и мистического мировоззрения

Ключевые слова: археология, этногенез, этносфера, теория этногенеза, Лев Николаевич Гумилев, реконструкция

Настоящий очерк является завершающим для небольшого цикла очерков [4, 5, 6, 7]. В данном случае я опираюсь на свою еще более раннюю статью «Теория биосферного этногенеза» [3].

Естественно, что во всех предыдущих публикациях мне удалось лишь слегка затронуть отдельные аспекты взаимоотношения археологии и этногенеза.

Думаю, что тема этих взаимоотношений и взаимосвязей перспективная и необъятная, и неподъемная для одного исследователя, потому как это тема для изучения многих институтов и научных сообществ. И чтобы окончательно не раствориться в этой суперобъемной необъятности, и, не уподобляясь ученым-космологам, полагающим, что они глубоко проникают в сущность строения и эволюции Вселенной, я принял самое разумное в моей ситуации решение – завершить пятым очерком мои метафизические рассуждения, как первый этап внедрения, в надежде на возможное возвращение в будущем – уже к рассмотрению более отдельных и более детальных моментов вышеназванной темы, как одной из граней всеобщего антропосоциогенеза.

Как и обещал в предыдущих очерках – буду говорить (рассуждать) в основном о теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Анализ, в первом приближении, больше будет касаться слабых мест этой теории (в моем субъективном понимании). Ибо, как я отмечал ранее, немало авторов используют терминологию Л.Н. Гумилева, его аргументы и экстраполяции без серьезного анализа и критического осмысления.

Как я отмечал в третьем очерке настоящего цикла [3], в теории этногенеза Гумилева и его монографиях немало поверхностных и малоубедительных метафор, сравнений и экстраполяций, которые вызывают большие сомнения в исторической объективности и достоверности.

Но прежде чем погрузиться в этнологические и предельно креативные тексты Л.Н.Гумилева, несколько мыслей по поводу перспектив и претензий науки археологии, и, особенно, по поводу отдельных археологов, считающих, что только их научная специализация позволяет получить наиболее достоверные знания об историческом и доисторическом прошлом человеческих этносов, популяций и культур.

Я вполне разделяю тезис Гумилева о том, что «найденное – есть небольшая часть пропавшего», учитывая слабую хронодиагностику и почти полное отсутствие во многих случаях какого-либо генетического материала препарированной эпохи (я имею ввиду артефакты генома человека). Все смелые конструкции и экстраполяции археологов по поводу принадлежности материальных артефактов культуры к тому или иному этносу древней эпохи, и, тем более, увязывание этих конструкций с ныне живущими этносами, т.е. все попытки археологов создать свою версию этнической истории без привлечения данных других наук (этнологии, этнографии, геномики, генетики человеческих популяций, данных глоттохронологии, исторической топонимики, палеопсихологии и других научных дисциплин и направлений) есть просто псевдонаучный популизм и дискредитация подлинной научной археологии в угоду своим персоналистским амбициям.

Перед возвращением к творениям Л.Н. Гумилева, небольшой экскурс в понятийное пространство этнологии.

Начнем с давней дискуссии. Как отмечал П.Л. Белков в 1993 году: «Если в настоящее время мы не имеем ни одной концепции, которая могла претендовать на роль теории этноса, то что же мы все таки имеем? Отвечая, можно было бы сказать, имеем мы представление об «этносе-народе», в котором смутно мыслятся все известные признаки и извлекаются из него в виде тех или иных дефиниций этноса в зависимости от произвола самого субъекта исследования» [1].

И все же, попробуем оттолкнуться от некоторых наиболее распространенных представлений и определений.

1.1. «Этнос (этническая общность) – большая группа людей, развивающаяся на основе единства природно-ландшафтных условий, кровного родства, антропологических особенностей, специфики культуры, языка, религии и психического склада людей, этнического самосознания, которое является единственной непротиворечивой чертой этноса. Историческими формами этнических общностей являются племя, народность, нация и др.» [14].

1.2. «Этнос – биосоциальное, эколого-социально экономическое и историко-культурное единство значительной группы (популяции) людей, объективно составляющих и сознающих себя как единое целое и противопоставляющих свою общность другим подобным группам («мы – они»). Обычно для этноса характерны общность территории и языка» [13].

1.3. «Этнос – (греч. *ethnos*- группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием. Понятие этноса, как категории, обобщающей признаки этнических общностей на всех этапах истории человечества, разрабатывалось преимущественно в российской, советской и постсоветской этнографии. Основы теории этноса были заложены в 1920-х годах С.М. Широкогоровым.

Он рассматривал этнос как основную форму существования локальных групп человечества, а основными признаками его считал единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни» [15].

Добавим к этим трем вариантам понятия этноса еще один вариант определения этногенеза.

1.4. «Этногенез – эволюционно-историческое происхождение, возникновение и развитие народов мира под влиянием внутренних социально-экономических механизмов и окружающей социальной и природной сред. Историческое развитие этносов делится на 3-4 фазы: сравнительно короткую фазу исторического становления, фазу исторического существования (с подфазой расцвета), фазу исторической инерции и фазу этнических реликтов» [13].

1.5. Добавим еще одну полезную цитату-определение теории Гумилева: «Парадоксальная по содержанию и подчеркнута неакадемическая по способу изложения, философско-историческая концепция Гумилева, в основаниях своих излагается в трактате «Этногенез и биосфера Земли» [17].

Ниже я представляю свои комментарии отдельных небольших фрагментов из работ Л.Н. Гумилева, сознательно ограничивая их число, ибо таких фрагментов в работах уважаемого мною Льва Николаевича Гумилева довольно большое число (от нескольких десятков до нескольких сотен). Поэтому, выборка случайная и ситуативная. Что «бросилось в глаза» больше всего и, опять же, чтобы не утомлять читателей данного очерка.

2.1. «Концепция Полибия ныне рассматривается как изящный раритет; Ибн Хальдуна (XIV в.) – как курьез. Дж. Вико – упоминается только в истории науки, а грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные конструкции Н.Я. Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей» [10].

Почему я начал рассмотрение отдельных высказываний Л.Н. Гумилева именно с этого фрагмента? Прежде всего потому, что в моем субъективном видении, этот фрагмент – образец типичных и характерных высказываний

Гумилева. Здесь он объединил ярких исследователей истории – своих предшественников, в единую обойму философов истории – неудачников. Из них, только Полибий заслуживает признания как «изящный раритет», а все остальные строили подобные конструкции, которые дискредитировали историческое моделирование. По-существу, Гумилев здесь использует традиционный метод немецкой классической философии – вначале своего учения объявить, что все предшественники были в чем-то или полностью несостоятельны, а только мое учение (Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Хайдеггера), в данном случае Гумилева, это истина в последней инстанции. По поводу Ницше и Хайдеггера я конечно по-горячился, ибо они далеко не «классики», но, по-моему, Гумилев их читал, особенно первого. Читал ли он О.Шпенглера и особенно – А.Тойнби – у меня большие сомнения.

2.2. Далее, Гумилев постоянно использует стиль «эпатирования публики», делая явно провокационные высказывания: «А есть ли этнос? ... Признака для определения этноса нет... Понятие «этнос», которое еще не дефинировано»[10]. Таким образом, уважаемый Лев Николаевич освобождает себя от необходимости детального разбора понятий предшественников, по существу утверждая, что прямых предшественников у него не было и он сам открывает новую науку и новые понятия.

2.3. «Какое отношение имело христианство или манихейство к рационалистическим рассуждениям Сенеки... Новая творческая струя мировоззрения равно отвергла и то, и другое. Она смела обветшалую античную мысль, а не продолжила её» [10].

Типичный нигилизм и верхоглядство, а может быть, вполне сознательная провокация? Во второй половине XX века заявлять, что античная мысль была обветшалой – такое может заявлять анархист или революционер, или последователь какой-либо секты, но никак не рационально мыслящий ученый.

2.4. «Освобождение от устарелых, потерявших значение норм древних мировоззрений, скомпрометировавших себя как олимпийские боги в Римской

империи. Уже в I веке до нашей эры в этих богов не верил никто, хотя их статуи торчали на всех перекрестках» [10].

Из этого высказывания Л.Н. Гумилева становится понятным, что он совсем не читал классических работ русского историка XIX века С.В. Ешевского об эволюции христианства и язычества в поздней Римской империи, и что он совершенно игнорирует достоверную историческую хронологию, например, попытку императора Юлиана возродить античную религию, у которой еще было немало сторонников в середине IV века нашей эры.

2.5. «... А когда римские легионеры столкнулись с китайскими арбалетчиками у Таласа в 36 году до н.э., те перестреляли римлян, не потеряв ни одного бойца. Потому можно заключить, что римляне побеждали варваров потому, что варвары слабели быстрее римлян (это о победах Цезаря в Галлии и т.д.)... Успехи сопутствовали римским орлам только там, где сопротивление исключительно слабо» [10].

Справка из «Истории Китая» [16]: «36 г. до н.э. 145 воинов, по всей видимости, римлян, захвачены в плен в Ганьсу. Возможно, что участники битвы при Каррах (Карры, ныне Харан в Турции – город в Месопотамии, где парфяне разбили римское войско под командованием Марка Красса – прим. пер.). Их женили на китайках и выделили им земельные наделы».

Во-первых, фрагмент показывает, что Л.Н. Гумилев никогда не читал Ю.Цезаря «Записки о Галльской войне» [18], а во-вторых, что он вообще плохо знал римскую историю. В-третьих, его пример носит явно мифологический характер, из которого совершенно непонятны соотношения сил – сколько было римлян, а сколько китайского войска? В-четвертых, как мы видим из китайской хронологии, римлян не перестреляли, а взяли в плен, и они остались живы. И, скорее всего, они сдались в плен по собственной инициативе. И вообще, это больше не ясный исторический факт, а предание, носящее характер легенды.

2.6. «Этнопсихология в отличие от психологии изучает мотивы поведения систем по популяционному уровню, т.е. на порядок выше организменного, который тоже система, и достаточно сложная. В прямом наблюдении этнопсихология для нас недоступна, но её функция – этническое поведение – легко воспринимаема и ощущаема» [10].

В данном фрагменте (2.6) гумилевское определение этнопсихологии, можно сказать, страдает «полной ненаучностью».

Во-первых, любая этнопсихология базируется на общей и фундаментальной психологии, и на других специальных направлениях, как социальная психология, психология личности, психология малых групп и др.

Во-вторых, абсолютно непонятно, почему этнопсихология недоступна прямому наблюдению. В-третьих, вообще не понятно, почему этническое поведение это дефиниция этнопсихологии, потому что этнопсихология более объемное явление, чем этническое поведение, которое может быть следствием причин и оснований, кроющихся в закономерностях самой этнопсихологии. В-четвертых, как это понять, что прямому наблюдению недоступна, но легко воспринимаема и ощущаема? Тут уже мистика и парапсихология, или животная интуиция?

2.7. «Если же мы, стремясь вскрыть глобальную закономерность, используем постоянную фазовую схему процесса и пренебрегаем внешними точками как случайными помехами, то неизбежно придем к выводу о наличии единой причины происхождения всех этносов на земном шаре» [10].

Во-первых, кто такие «мы»? Это Л.Н. Гумилев или любой желающий легким путем «вскрыть глобальную закономерность»? Какие именно внешние точки, как случайные помехи? И самое главное, почему мы неизбежно придем к выводу о наличии единой причины? Почему не предположить, что причин может быть две или три, или более? Откуда проистекает такая предопределенность?

2.8. «Взрыву пассионарности (или пассионарному толчку) сопутствует какой-то дополнительный фактор, без которого процесс не может начаться.

Этот фактор надо искать в явлениях природы, потому что «энергию живого вещества биосферы», как порождаемый ею феномен этноса, следует отнести к той прикладной форме движения материи, которая находится в зазоре между общественной и биологической сферами» [11].

Этот удивительный неуловимый фактор, находящийся «в зазоре между общественной и биологической сферами», который порождает феномен этноса. Во-первых, тогда он должен иметь биосоциальную природу конкретного содержания, и его можно было бы диагностировать и изучать, но у Гумилева он – «В зазоре» и якобы не имеет ни социальной, ни биологической природы. В итоге этот фактор оказывается космическим и по-прежнему неуловимым для современной науки. Но, одновременно, этот фактор надо искать в явлениях природы, потому как он есть «энергия живого вещества биосферы», которая включается по неизвестной причине и в отдельных местах (опять же – неведомые космические лучи) и порождает феномен этноса.

В других местах, где этой «энергии живого вещества биосферы» с избытком, например, в тропических лесах Амазонки, или Конго, эта теория этносов практически не порождает, потому что, по-видимому, космические лучи не могут пробиться сквозь тропические джунгли или по другой неизвестной причине.

Впрочем, задолго до Гумилева философ истории Гердер (в конце XVIII в.) высказывал похожую идею: «Генетическая сила порождает все органические образования на Земле, а климат лишь содействует или препятствует этой силе» [8]. Вполне себе похоже на энергию живого вещества, истекающего из генетической силы. И климат в теории этногенеза Гумилева тоже играет весьма существенную роль. Только у Гердера отсутствует космический фактор (или не так явно выражен). Но Л.Н. Гумилев, как и З.Фрейд, все открывает сам, изредка ссылаясь на избранных предшественников.

2.9. «Надо сказать, что история как наука – прибор нечуткий. Она устанавливает большие события, типа войн, восстаний, создания учреждений, кодификацию законов и т.п., но мелкие нарушения стереотипа поведения, часто незаметные современникам явления или рассматриваемые как случайные отклонения от нормы, история не фиксирует. Поэтому мы введем хронологический допуск: плюс-минус 150 лет, что на результат не повлияет, но дает право рассматривать эпоху 150 - 450 гг. без излишней дифференциации, а как целостную эпоху. Этим путем мы сразу выйдем в географию» [11].

Тут мы видим, выражаясь шахматным языком, «гумилевский ход конем» или какой-то «гамбургский гамбит», похожий на полный произвол и дискредитацию истории как науки. Грубо говоря, 150 лет туда, 150 лет сюда – не имеет значения для Л.Н. Гумилева (вглядитесь в историю России за последние 150 лет – что в ней только не изменилось, и в большом, и в малом, и в государственном строе, и в составе населения, и в менталитете, и в развитии производительных сил, и в прохождении войн и революций – для Гумилева – это детали, не имеющие значения для его этнологических конструкций и экстраполяций).

Но такой произвол, как кажется самому Гумилеву, почему-то дает выход в географию и новый простор для субъективных фантазий и импровизаций на тему истории, географии и т.д.

2.10. «Будем называть новую научную дисциплину не историей, а либо «этнологией», если при помощи знания явлений природы мы изучаем историю народов, либо «исторической географией», если при помощи истории мы изучаем явления природы» [11].

Опять очередной «гамбит» - присваивает новой научной дисциплине (по мнению Гумилева – он открыл новую дисциплину!) два разных названия, а по существу объявляет две существующие до него науки своим открытием.

Во-первых, историческая география существует почти с античных времен, а работ по исторической географии за XIX и XX век, до Гумилева,

как говорят в народе «целый воз и тележка», но Лев Николаевич смело заявляет, что он открыл новую дисциплину, которая с одного боку – этнология, а с другого боку – историческая география. Хотя по той же этнологии за XIX-XX века за пределами России – тоже немало исследователей, работавших на грани антропологии и этнографии.

2.11. «Учение о пассионарности привлечено лишь для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся при одностороннем изучении этногенеза. Не замена учения о примате социального развития в истории, а дополнение его бесспорными данными естественных наук – вот цель теоретического введения, необходимого для исторического синтеза» [11].

То есть, краеугольный камень гумилевской теории этногенеза «пассионарность» - это всего лишь дополнение, чтобы дополнить пустоту при одностороннем изучении этногенеза – что это за пустота, которую не узрели другие этнографы, этнологи, историки – Гумилев не уточняет. Причем это дополнение основывается на «бесспорных данных естественных наук», которые невозможно обнаружить в теоретических построениях Гумилева, не считая туманных ссылок на Вернадского, Козырева и других избранных авторов Гумилева. Ну нет у него никаких бесспорных данных естественных наук, кроме обтекаемых намеков. Причем, пассионарность берет истоки от космических излучений, которые никак не регистрируются ни в прошлом, ни в настоящем.

2.12. «Роль пассионарности в этногенезе меньше 25%, но пренебрежение этой величиной дает заметную ошибку, смещающую результат» [11].

Откуда взялись 25%? Это социологический опрос или данные каких-то физических или иных научных измерений? Ни то, ни другое. Лев Николаевич прикинул в уме, чисто интуитивно, и у него появилась такая «научная» цифра. Но кто пренебрегает этой величиной? Кто вообще о ней что-то знает и видит её? И в чем вообще смысл появляющейся ошибки в результате пренебрежения неизвестно чем и неизвестно чего?

2.13. «Сочетание социальных формообразующих закономерностей с энергетическими импульсами из недр биосферы» [11].

Возникает естественный вопрос: почему импульсы идут из недр биосферы (как вообще выглядит этот процесс)? Но пассионарный толчок все таки идет из космоса и является главным импульсом, запускающим этногенез, а далее – энергия из недр биосферы, и, видимо, она же – энергия живого вещества биосферы?

2.14. «... альбигойство, манихейство и экзистенциализм К.Ясперса – их роднит жизнеотрицание, истина и ложь в них приравнивается друг другу... из этого вырастает программа человекоубийства» [12].

В данном фрагменте, с точки зрения истории и философии, полный бред. Во-первых, становится ясным, что Гумилев никогда не читал Ясперса или перепутал его с Ницше, а во-вторых, альбигойство и манихейство – это разные исторические феномены и между ними нельзя поставить знак равенства. Но судя по неоднократным высказываниям негативного характера в отношении альбигойцев (они же – катары) у Гумилева была совершенно не адекватная точка зрения на этот исторический феномен, насильственно уничтоженный французским королем и его северной рыцарской армией, вдохновляемыми папским престолом («альбигойский крестовый поход») – типичная жажда наживы, реализованная с помощью беспредельной клеветы (похожее случилось с тамплиерами). Но, по всей вероятности, у Гумилева не было времени вникать в сущность действительной исторической реальности и он воспользовался чьим-то шаблоном, где положительные герои – французский король и папа католический (очень странно, потому что католиков и иже с ними, Лев Николаевич основательно недолюбливал).

2.15. «Пассионарии (особи энергоизбыточного типа) – особи, обладающие врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по видоизменению окружающей их среды» [12].

Просто удивительно, как до сих пор современная естественная наука не открыла механизм этой «абсорбции энергии из внешней среды»? Если мы можем измерять все ритмы мозга, сердца и функционирование всех органов, почему до сих пор не обнаружен тот механизм, имеющийся у отдельных людей, который позволяет им «впитывать» в себя энергию из внешней среды?

Думаю, пассионарность все таки существует, как явление биологическое, но она приводится в действие генетической психомеханикой, т.е. является механизмом психогенетической наследственности или генной мутации. И проявляется в дальнейшем благодаря социализации индивидуума в контексте его социально-природного окружения.

2.16. «Мною была предложены концепция этноса, как поля биофизических колебаний с определенной частотой или ритмом. Теперь она находит подтверждение. Когда два разных ритма накладываются друг на друга возникает своего рода какофония, воспринимаемая людьми как нечто противоестественное, что в общем-то правильно. И тогда люди начинают не любить вмещающую их географическую среду, искать выхода при помощи строгой логики, оправдывать свою ненависть к миру, устроенному так неудобно. Именно такая ситуация возникла в эллинистических государствах древности во II-I веках до н.э.» [9].

Вероятно, здесь (во фрагменте 2.16), Л.Н. Гумилев говорит о понятии «этнического поля», как разновидности био- или геофизического поля. Такого рода поля уже не один десяток лет изучаются наукой, тем не менее, однозначного и общепринятого их понимания и толкования нет и по настоящее время. Поэтому не совсем понятна убежденность Гумилева, что его «концепция этноса, как поля биофизических колебаний» «теперь находит подтверждение» тем более, как часто у него бывает, он не приводит конкретных, ясно описанных фактов, результатов подтверждающих экспериментов. В итоге, это утверждение воспринимается как очередной

гипотетический или мифологический конструкт, не имеющий убедительного научного обоснования и подтверждения.

Если рассуждать глубже, при наложении двух разных ритмов не всегда возникает какофония – есть ритмы более созвучные и совместимые между собой, а есть кардинально несозвучные и несовместимые – вот тогда, во втором случае, и возникает какофония

Но понять, почему люди начинают не любить вмещающую их географическую среду, а тем более – искать выхода при помощи строгой логики, которая у подавляющего числа людей просто отсутствует, потому как для овладения строгой логикой нужно учиться ни один год пониманию взаимоотношений абстрактных и конкретных понятий, а большинство людей на самом деле пользуются в повседневной жизни своей обычной житейской (на опыте) логикой, либо собственной спонтанной интуицией, то мне здесь трудно согласиться с аргументами уважаемого Л.Н. Гумилева, плюс к тому же непонятно откуда взялась ненависть к миру, устроенному так неудачно? То есть, либо эта ненависть самопорождается от воздействий нездоровых биоритмов, неизвестно откуда появившихся в их родной с детства географической среде, либо опять космические излучения? Но снова ни слова не говорится о социальной среде, о ее совместимых и несовместимых ритмах, и о её влиянии на этнос.

3. Заключение.

3.1. Чтение текстов произведений Л.Н. Гумилева, в том числе и работы «Этногенез и биосфера Земли» - дело, безусловно, полезное и увлекательное.

Но только не следует поддаваться той очаровательной гумилевской логике и метафористике, с помощью которой Лев Николаевич легко препарирует любые события мировой истории, но только в удобном для него самого им же изобретенном ключе понимания (расшифровок и репрезентаций). Причем, во многих случаях, гумилевская репрезентация и гумилевское понимание описываемых исторических событий не совпадает с мнением и суждением значительного числа серьезных историков, как,

впрочем, и его многочисленные очень вольные этнологические конструкции и интерпретации не вызывают согласия и взаимопонимания у многих ученых этнологов, этнографов и этнопсихологов. И это отражено в критических статьях различных авторов (см. АВ.).

3.2. Как отмечает В.Н. Фурс: «Этнология, разработанная Гумилевым, подчеркнута и последовательно еретична – им отвергаются все выделяемые традиционной наукой признаки этноса: язык, особенности культуры, этноним, самосознание, единство происхождения. Единственным реальным этнодифференцирующим признаком Гумилев считает этнический стереотип поведения, за которым стоит этническое генетическое поле. Этнос трактуется Гумилевым как энергетический феномен, связанный с биохимической энергией живого вещества, открытой Вернадским» [17].

3.3. Декларация Л.Н. Гумилева о том, что он якобы использует в своих построениях естественно-научные методы и системный подход – не выдерживает самой элементарной критике. Естественно-научных фактов в его текстах фигурирует совсем небольшое число, причем, в большинстве случаев они представлены в своеобразном гумилевском понимании. К примеру, все его ссылки на энергию живого вещества Вернадского носят поверхностный и неубедительный характер. Более того, создается впечатление, что Гумилев либо вообще не читал «Биосферу» Вернадского [2], либо он понял ее совсем по-гумилевски, что будто бы она подтверждает все его этнологические построения. На самом деле, из «Биосферы» Вернадского, из описания им процессов функционирования живого вещества и всей совокупности биогеохимической энергии биосферы, вовсе не вытекает и не объясняется гумилевская «пассионарность» и никоим образом не объясняется историческое поведение этносов, как не объясняется энергией живого вещества «вспышки этногенеза» и разные уровни «энергетического потенциала» этносов.

3.4. Тем не менее, изучать теорию этногенеза Л.Н. Гумилева и все его многочисленные построения и реконструкции важно и необходимо, с целью

разработки моделей, описываемых им феноменов пассинарности, этнического поля, этнопсихологии и этнической истории для того, чтобы более научно и обоснованно развивать весь комплекс этнологических исследований, не впадая в субъективные крайности и произвол.

3.5. Подводя итог нашему небольшому герменевтическому анализу можно прийти к предварительному заключению о том, что теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым, видится как не естественно-научная теория и системно-историческое гуманитарное исследование, а скорее, как метафизическая теория этногенеза и понимания процессов всемирной истории, как процессов неясной космической природы, на основе субъективной метафористики и мистического мировоззрения.

Разумеется, все вышесказанное, тоже есть результат отдельного субъективного миропонимания и философско-герменевтического анализа и интерпретации, основанных на методе герменевтического микропсихоанализа и исторической критики.

Поэтому, каждый может читать и понимать тексты Гумилева по-своему. Весь вопрос в том – приближаемся ли мы к истине, или удаляемся от нее? И к каким конкретным прагматическим выводам и заключениям можно прийти, принимая или отрицая теорию этногенеза Л.Н. Гумилева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белков П.Л. О методе построения теории этноса // Этноссы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. Сборник статей. – М.: Наука. 1993. С. 48-61.
2. Вернадский В.И. Биосфера. - Л.: Науч. хим.-технол. изд-во. 1926. 147 с.
3. Винобер А.В. Теория биосферного этногенеза: pro et contra (к 110-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2022. № 10 (51). С. 5-13
4. Винобер А.В. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк первый // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2024. 1(8). С. 5-17.
5. Винобер А.В. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк второй / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2024. 2(9). С. 5-11
6. Винобер А.В. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк третий / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2025. 1(10). С. 5-15.

7. Винобер А.В. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк четвертый // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2025. 2(11). С. 5-14.
 8. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. с нем. -М.: Издательство «Наука». - 1977. - 703 с
 9. Гумилев Л. Н., Панченко А. М. Чтобы свеча не погасла: Диалог. - Л. : Сов.писатель. 1990. - 123 с.
 10. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. В кн. Этносфера: история людей и история природы ; Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо. 2012. С.511-999.
 11. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. В кн. Этносфера: история людей и история природы ; Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо. 2012. С. 5-510.
 12. Гумилёв Л. Н., Иванов К. П. Этносфера и Космос. В кн. . Этносфера: история людей и история природы ; Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо. 2012.
 13. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
 14. Словарь социально-гуманитарных терминов. Под ред. Айзенштадт А. Л.. М.: Тесей. 1999. 320 с.
 15. Терешкович П.В. Этнос // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 856.
 16. Уинтл Д. История Китая. Пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель. 2008. 288 с.
 17. Фурс В.Н. Гумилев Лев Николаевич // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 187-188.
 18. Цезарь Г.Ю. Записки о Галльской войне. Пер. с лат. – М.: Изд-во АСТ. 2021. 416 с.
-

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGENESIS: METAPHYSICAL STUDIES. THE FIFTH ESSAY

As a first approximation, the author touches on the weaknesses of L.N. Gumilev's theory of ethnogenesis. Many authors use L.N. Gumilev's terminology, his arguments and extrapolations without serious analysis and critical reflection. The theory of ethnogenesis, developed by L.N. Gumilev, is seen as not a natural science theory and a systematic historical humanitarian study, but rather as a metaphysical theory of ethnogenesis and understanding of the processes of world history as processes of an obscure cosmic nature, based on subjective metaphors and a mystical worldview.

Keywords: archeology, ethnogenesis, ethnosphere, theory of ethnogenesis, Lev Nikolaevich Gumilev, reconstruction

Поступила в редакцию 21 июня 2026

УДК 81 (571.53/55)

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ НЕЗАВИСИМОГО ЭКСПЕРТА)

Автор позиционирует себя независимым экспертом (от которого ничего не зависит) Его мнение – это взгляд постороннего, но не равнодушного к развитию бурятского языка. В статье предпринята попытка оценить современное состояние бурятского языка и его перспективы на ближайшие десятилетия, опираясь на исследования и выводы ведущих ученых Республики Бурятия. Автор рассматривает статистику пользования и владения бурятским языком по данным переписи населения и различных социологических одноразовых и мониторинговых опросов и исследований; билингвизм; развитие диалектов и говоров; состояние бурятского литературного языка; издание книг на бурятском языке. В заключении автор выносит предложения по дальнейшему развитию бурятского литературного языка.

Ключевые слова: бурятский язык, хоринский диалект, языковая ситуация, литературный бурятский язык, Иркутская область, двуязычие

«При расширении литературного языка его новой базой может быть койнэ. Для койнэ важна не столько общеупотребительность, сколько общедоступность и понятность языковых элементов.

... Таким образом, это будет рациональная основа, охватывающая все говоры и диалекты данного языка.

... В лексическом составе бурятского литературного языка имеются узкодиалектные элементы, не характерные для койнэ».

Т.А. Бертагаев

Отправной точкой своих субъективных рассуждений (в качестве эпиграфа) я выбрал фрагменты из классической статьи выдающегося советского бурятского лингвиста-монголоведа Трофима Алексеевича Бертагаева. Эта статья, под названием «О койнэ и путях развития национальных языков», вышла в печати в сборнике «Развитие литературных

языков народов Сибири в советскую эпоху» в 1965 году [5]. И, на мой взгляд, совершенно не потеряла актуальности в наше время.

Также, в значительной степени я буду отталкиваться от классической монографии Т.А. Бертагаева «К исследованию лексики монгольских языков (опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров)» [4], опубликованной в 1961 году, но содержащей полевые материалы более ранних исследований.

Небольшое отвлечение, предназначенное для тех читателей, которые не являются лингвистами: «Койнэ – общий язык – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков... В роли койнэ может выступать наддиалектная форма определенного языка, развивающаяся на базе одного или нескольких диалектов. ... Койнэ развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койнэ» [8].

Второй отправной точкой, послужившей мотивацией для написания и публикации данного текста послужила статья С.Д. Бабуева, известного бурятского филолога и краеведа «О дальнейших перспективах развития бурятского языка», появившаяся в сборнике «История развития бурятского языка», вышедшем в 2006 году [2], но прочитанной мной в апреле нынешнего 2026 года.

Статья Бабуева, яркая и эмоциональная, скорее, историко-просветительного и идеологического содержания, чем научно-лингвистического, какими были все другие статьи авторов данного сборника. Больше всего в вышеназванной статье меня заинтересовали два фрагмента: первый – историко-объяснительного характера, второй – идейно-методологического. В первом случае Бабуев сообщает, что в начале 1960-х гг. в СССР было провозглашено о построении коммунизма в ближайшие 20 лет (с единым языком), а в начале 1970-х гг. в административном порядке

преподавание в школах было полностью переведено на русский язык, в результате чего – выросло два поколения бурят, не владеющих родным языком, а также за 20 лет запрета бурятского языка не выросли признанные молодые писатели и поэты.

Во втором случае, С.Д. Бабуев в большом списке мер, необходимых для развития бурятского языка, кроме всего прочего, в п.14 и п. 15 предлагает следующие меры, можно сказать, по-преимуществу, организационно-лингвистического или идейно-методологического характера:

п. 14. Бурятский литературный язык должен дальше развиваться на базе хоринского диалекта.

п. 15. В обогащении бурятского литературного языка могут использоваться в допустимых объемах диалектные слова и выражения (видимо, слова и выражения из других диалектов и говоров бурятского языка – А.В.) [2].

Вот по поводу этих двух вышеперечисленных фрагментов я и решил высказать свое субъективное мнение, как независимый эксперт (от которого ничего не зависит, хотя, абсолютно независимых, скорее всего, никогда не бывает). Можно сказать, мое мнение – это взгляд постороннего, но не равнодушного к развитию бурятского языка.

Естественно, что погрузившись в заявленную тему рассуждений, я ознакомился с мнениями других авторов: лингвистов, филологов, социологов и педагогов, имеющих самое непосредственное отношение к анализу состояния, тенденций и перспектив развития бурятского языка в XXI веке, чьи мнения и аргументы намерен использовать в данном эссе, поскольку здесь больше рассуждений и вопросов, чем строгих объективных и однозначных утверждений.

По поводу первого высказывания С.Д. Бабуева, т.е. историко-объяснительного характера. С ним можно согласиться, но далеко не на 100 процентов. Разумеется, что имело место событие, когда было объявлено о построении коммунизма в ближайшие 20 лет, и была тенденция к

культивированию единого всеобщего языка, который при коммунизме будет объединять все народы СССР (и не только СССР). Более того, предполагалось, что построение коммунизма будет стимулировать создание общечеловеческого языка для всего мира. Эта тенденция очень развернуто представлена в монографии Э.П. Сवादоста «Как возникнет всеобщий язык?» [22], появившейся в 1968 году.

Что происходило в 70-е годы XX века в автономной советской Республике Бурятия с бурятским языком – мне судить сложно. В том смысле, что я не обладаю информацией о запрете преподавания бурятского языка и о том, были ли на этот счет законодательные акты или указания партийных органов, а может быть инструкции по линии образовательной системы? Это необходимо исследовать, анализировать и аргументировать. Поэтому, в принципе, принимаю точку зрения Бабуева, но выражаю сомнение в том, что бурятский литературный язык был в эти годы под каким-то запретом. И поэтов, и писателей, пишущих на бурятском языке в 60-70-80 гг. XX века, вероятно, было существенно больше, чем в настоящее время. Также мне видится, что изменения в бурятском языке начались вовсе не в 1960-е годы, а гораздо ранее. Например, немало авторов второй половины XIX века отмечали, что буряты, живущие в Кудинской долине (эхириты и булагаты) владеют хорошо помимо родного бурятского языка еще и русским языком, т.е. являются билингвами. При этом родной бурятский язык не выходил у них из повседневного употребления и не испытывал какой-либо существенной деградации.

В качестве небольшого примера: в 1862 году в Иркутске был создан комитет по переводу учебных книг на бурятский язык, который рекомендовал издание книг на основе русского алфавита для бурят, живущих в западных районах (вблизи Иркутска) и книг на старомонгольской письменности для бурят, проживающих за Байкалом [18].

По существу, Бабуев в своем утверждении игнорирует взаимодействие бурятского и русского языка и бурятского и русского народа за период 1860-

1960 гг., то есть за целое столетие. Либо он признает, что до 1960-х гг. не происходило никаких негативных, либо позитивных изменений? Впрочем, это уже отдельное историческое и лингвистическое диахроническое исследование, которое осуществлялось и осуществляется другими авторами. В первую очередь, я бы порекомендовал всем интересующимся историческим развитием бурятского языка замечательную монографию Ц.Б. Будаева «Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования)», где автор выделяет три основных периода развития говоров бурятского языка: ранний (общемонгольский), новый (период после присоединения Бурятии к России) и новейший (советский). В рамках каждого периода автором исследуются фонетические, грамматические и лексические особенности бурятских диалектов [6].

Также у меня вызывает некоторое сомнение утверждение Бабуева о том, что в результате двадцатилетнего запрета бурятского языка выросло два поколения бурят, не владеющих родным языком.

Я считаю, что 1926-2026 (то есть целое столетие) – это годы бурного развития бурятского языка, бурятской лингвистики и филологии, активных исследований эпического творчества бурятского народа. И если обратить внимание на годы 1970-80 гг. (когда, по мнению Бабуева, бурятский язык был под запретом) – сколько вышло монографических исследований, словарей и учебников, то картина видится не такая уж трагическая и однозначная.

Что же касается второго фрагмента – о п.14 и п. 15 по развитию бурятского языка в статье Бабуева [2] – у меня просто возникли вопросы: а) почему бурятский литературный язык должен в дальнейшем развиваться только на базе хоринского диалекта? б) кто будет определять допустимые объемы слов и выражений из других диалектов и говоров бурятского языка, которые могут использоваться в бурятском литературном языке?

Кстати, эти или очень похожие вопросы возникали много ранее в 30-60е годы XX века у Т.А. Бертагаева [4, 5] и других исследователей диалектов

и говором бурятского языка. Так, еще в начале XX века Жамцарано отмечал, что хори-буряты, приняв буддизм, начали «пренебрегать народным эпосом», улигеры у хори бурят держатся в тех уголках, где население симпатизирует шаманам, а позднее, как отмечал А.И. Уланов – ламы вели борьбу с народным творчеством [цит. по 7]. Но где, как не в народном эпосе истоки литературного бурятского языка и все богатство его диалектов и говором?

Возвращаясь к истокам заявленной темы: давайте попробуем оценить современное состояние бурятского языка и его перспективы на ближайшие десятилетия, опираясь на исследования и выводы ведущих ученых Республики Бурятия.

Начнем рассуждать с имеющейся в нашем распоряжении статистики пользования и владения бурятским языком по данным переписи населения и различных социологических одноразовых и мониторинговых опросов и исследований.

1. Статистика и оценки экспертов.

1.1. Мнение социологов и психолингвистов: «В 2002 году по решению ЮНЕСКО бурятский язык занесен в Красную Книгу исчезающих языков планеты, хотя в 1992 году законом «О языках народов Республики Бурятия» бурятскому языку, наряду с русским придан статус государственного.

Эксперты настаивают на диаметрально противоположных прогнозах его будущего. Одни считают, что тенденция утраты языка, который потерял 10 тысяч носителей, будет прогрессировать и к 2035 году он полностью исчезнет (Кальмина, 2012)» [23].

1.2. В серии социологических обследований, проводимых с 1989 по 2009 гг. получены следующие результаты: «Выявлено, что состояние с бурятским языком в среднем ухудшается на 3% за десятилетие. ... По всем формам увеличилась доля бурят очень хорошо владеющих родным языком. ... Если для отдаленных районов Республики Бурятия, а также для районов Читинской области и шэнэхэнского района Внутренней Монголии Китая

можно констатировать его активное функционирование при стабилизации процесса потери бурятского языка, то, например, для Иркутской области характерно то, что процесс языкового сдвига здесь можно считать необратимым» [13].

1.3. Есть более поздняя трактовка статистической динамики состояния и развития бурятского языка: «Тенденции к резкому снижению между 2002 г. и 2010 г. и по 2021 г. вдруг заметно поднялись – до 290 348 чел, хоть и не достигли уровня 2002 (353 113 чел), т.е. между 2010 г. и 2021 г. владение бурятским языком резко улучшилось – добавилось 83 948 чел, которые вдруг овладели бурятским языком (это увеличение, скорее всего, низкое качество переписи). ... Увеличилось число людей, которые думают или хотят думать, что они владеют хоть в какой-то степени бурятским языком. ... Показатели владения языком несколько упали, но в длительной динамике остались на уровне 1/3 и 1/4 всего населения Республики Бурятия» [24].

1.4. Мое субъективное суждение по поводу вышеозвученных оценок и утверждений выглядит следующим образом.

1.4.1. По поводу внесения бурятского языка в Красную Книгу исчезающих языков – непонятно, кто и с какой целью организовал и осуществил эту акцию? Если есть в Байкальском регионе языки, которым действительно грозит вымирание – это эвенкийский и тофаларский. По поводу языка сойотов – я не владею никакой информацией – есть ли он вообще, или уже ассимилирован и замещен бурятским? Но эвенкийский и тофаларский языки действительно ежегодно уменьшают жизненную силу и активно ассимилируются русским и бурятским языками. Бурятский язык, как и языки соседних регионов – тувинский и якутский, успешно продолжает свое развитие, раскрывая новые возможности, как в литературном, так и в научном плане. Но это относится только к ядру языка, находящемуся в столице Бурятии и к периферийным районам Бурятии, где доминирует бурятское население.

В целом, по всему этническому ареалу бурятского языка существует весьма неоднозначная и мозаичная картина. Действительно, в Иркутской области состояние отдельных говоров и западного (эхирит-булагатского) диалекта, существенно слабее, чем в Республике Бурятия. Действительно, отдельные говоры, как например, нижнеудинский, находятся в стадии активной деградации, и им действительно может грозить вымирание в ближайшие 20-30 лет. Но, например, состояние бурятского языка в Осинском районе Усть-Ордынского округа (по моему субъективному мнению) существенно лучше, чем в Эхирит-Булагатском районе. Но в целом, в Иркутской области нет достоверных данных по всему ареалу бурятского языка, потому как нет таких центров и научных организаций, которые бы систематически занимались изучением динамики языка по районам области. Тем не менее, я не разделяю мнение авторитетного ученого Г.А. Дырхеевой о том, что процесс языкового сдвига в Иркутской области можно считать необратимым.

1.4.2. Утверждение (Кальмина, 2012), цитируемое А.А. Степановой о том, что бурятский язык к 2035 году полностью исчезнет, больше похоже на какую-то псевдо-научную провокацию (например, с целью поднять «шумиху» и получить грант), чем на серьезное научно-обоснованное утверждение. Даже по самым негативным оценкам для бурятского языка (за исключением отдельных говоров и отдельных локальных районов, где доминирует билингвизм с преобладанием русского языка) в ближайшие 20-30 лет не существует никаких тотальных угроз и опасностей. Но это вовсе не означает, что все благополучно и нет негативных тенденций, особенно в отношении бурятского литературного языка.

1.4.3. По поводу всевозможной статистики: если вспомнить давний афоризм о том, что «есть ложь, наглая ложь и статистика», то можно свести все статистические (имеющиеся) результаты к тому, что мы имеем в лице статистики всего лишь «среднюю температуру по больнице».

К примеру, я взял статистический анализ из монографии Ц.Б. Будаева «Бурятские диалекты» [6], основанный на сравнении результатов переписи населения 1979 и 1989 годов, и экстраполировал отмеченные тенденции (за десятилетие) на период с 1989 по 2026 гг. – у меня получилось, что бурятский язык за 36 лет потерял более 51 тыс. носителей. Но если вы обратили внимание на цифру, цитируемую в п.1.3, там приводится совсем иная тенденция – с 2010 по 2021 гг. произошел прирост 83 948 носителей бурятского языка. Такие вот существенные статистические «ножницы»: от минус 51 тыс. до плюс 84 тыс. Поэтому, вполне соглашусь с более умеренной оценкой, которую приводит в 2015 году Дырхеева [13] – ухудшение на 3% в среднем за десятилетие. Но что означают эти 3% - для меня полная загадка. Похоже на ту же самую «среднюю температуру по больнице». Потому что названные 3% - своеобразная интегральная экспертная оценка, которая состоит из целого ряда составляющих компонентов, требующих в каждом случае углубленного анализа или исследования. Например, в п. 1.2 говорится, что «по всем формам увеличилась доля бурят очень хорошо владеющих родным языком» - я сомневаюсь в этом утверждении, хотя, вполне возможно, что такое может иметь место в отдельных учебных заведениях или в отдельных научных организациях.

2. О билингвизме.

Большую озабоченность исследователей бурятского языка вызывает проблема билингвизма среди бурятского населения.

2.1. «Длительное тесное контактирование бурятского и русского языков, интенсивное усвоение бурятами русского языка, как основного средства межнационального общения, способствовало распространению массового одностороннего бурятско-русского двуязычия. ... Повседневная устная речь современных бурят-билингвов представляет собой «смесь» русского и бурятского языков. ... Такой тип речи характерен в основном для городских билингвов, а также для лиц, слабо владеющих литературной формой бурятского языка (в том числе в непосредственной ситуации

общения между носителями разных диалектов, в разговоре молодежи, людей среднего и старшего возраста)» [20].

2.2. «... Продолжается падение уровня владения родным языком бурятами и степень его использования в различных сферах общения. Уменьшается количество бурят, считающих бурятский язык родным. Российские буряты, где бы они не проживали, лучше владеют русским языком, чем родным. ... Функциональный статус бурятского языка все более понижается, сокращается количество сфер его активного применения. ... Реальная языковая ситуация в Республике Бурятия остается очень неблагоприятной для настоящего и будущего бурятского языка» [16].

2.3. Р.Д.С. Норбоева в своей статье отмечает особенности контакта бурятского и русского языка, в котором доминирует русский язык, что приводит к структурным изменениям на всех уровнях – от лексики до синтаксиса. Современную ситуацию оценивает как двоякую: «Усиливается интерференция и риск вытеснения, но одновременно наблюдаются процессы возрождения и институциональной поддержки. Перспективы сохранения языков связаны с развитием образовательных практик, цифровизацией и повышением их престижа среди носителей» [21].

2.4. Исходя из вышепротитированных фрагментов, можно прийти к выводу, что билингвизм – явление по-преимуществу негативное для развития бурятского языка.

Но это мнение филологов и лингвистов, для которых главный критерий – это чистота родной речи и развитие литературного языка с позиций доминирующего этнолингвизма. Ниже по тексту я привожу иную точку зрения известного российского лингвиста из Санкт-Петербурга Михаила Александровича Марусенко: «... Любое обсуждение проблем билингвизма и мультилингвизма должно вестись с учетом широкого социально-политического контекста, в котором они используются. В последние годы накоплено много данных о когнитивных, образовательных и социальных преимуществах билингвизма, однако общественное мнение и языковые

политики продолжают преподносить моноязычие как норму и ограничивать космополитизм знанием только международных языков... Люди должны не ограничивать, а наоборот расширять набор своих языков, обеспечивая возможность коммуникации на всех уровнях – местном, национальном и глобальном». В качестве примера Марусенко приводит индийский мультилингвизм: «При переписи населения в 1991 году респонденты назвали более 10000 родных языков: после унификации и стандартизации названий остались 3372 языка, из которых 1576 языков были идентифицированы, а оставшиеся 1796 языков были отнесены к группе «прочие родные языки»... Большая численность носителей и языковых сообществ, использующих разные языки в разных сферах их повседневной жизни, многоязычие, носящее массовый характер, тенденция к сохранению языков, находящихся в контакте, - все это отличительные черты индийского мультилингвизма, который стал возможен благодаря проницаемости границ между языками, бесконфликтному распределению функций между языками в разных сферах использования, множественности языковых идентичностей и ранней мультиязычной социализации» [19].

3. О развитии диалектов и говоров бурятского языка.

3.1. Оценивая языковую ситуацию в Республике Бурятия, Г.А. Дырхеева отмечает: «... Нет единого мнения относительно бурятских диалектов: Бертагаев (1968) выделяет 4 диалекта: западный, восточный, южный и нижнеудинский, а также 11 говоров, которые распадаются на подговоры. А.А. Дарбеев (1997) выделяет три диалекта: западный, восточный и южный, 14 говоров и 7 подговоров. И.Д. Бураев и Л.Д. Шагдаров (1995) делят бурятский язык на 4 диалектных группы: хоринскую, цонголо-сартульскую, эхирит-булагатскую и аларо-тункинскую» [14].

3.2. В результате оценки языковых установок и языковой лояльности носителей малых языков Г.А. Дырхеева и Ч.С. Цыбенова приходят к выводу: «Значительные междиалектные расхождения, дисперсность проживания бурят, активное общение в ходе совместной деятельности с русским

населением, привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости бурят, утрате некоторых элементов этнической самобытности и постепенной потере родного языка» [15].

3.3. Не вдаваясь в поиски различий диалектов и говоров, могу сказать, что это вечный спор в среде лингвистов: что считать говором, а что – диалектом (очень размытые границы и критерии); один и тот же говор кто-то из лингвистов именуется диалектом, а кто-то считает, что это не говор, не диалект, а самостоятельный язык.

Это явление имеет место и среди филологов и лингвистов, изучающих бурятский язык. Но это же явление широко распространено в мировой практике исследования языков. Если учитывать, что «говор – функционирующая языковая система, которая может отличаться от системы других говоров своеобразием фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических черт» [17], то мы имеем вполне научные основания считать говор самостоятельным живым языком, имеющим различную степень генетической близости с близкородственным диалектом или языком (как более крупной объединяющей языковой системой совокупности родственных диалектов и говоров).

Если отталкиваться от такого понимания, смысла, значения и сущности говора (вспомните пример индийского мультилингвизма и результаты его переписи в 1991 году – см. п. 2.4), то мы имеем в бурятском языке (см. п. 3.1) 15 - 25 отдельных живых языков (языковых систем), которые именуются различными исследователями то диалектами, то говорами или подговорами (не считая еще единого языка, который сформировался в XX веке – это бурятский литературный язык).

Можно, конечно, возмущаться таким подходом и такой классификацией, но трудно спорить с тем, что нижнеудинский диалект или говор для нижнеудинских бурят – это их родной язык, и в нем есть слова, фонемы и лексические формы, которые являются для них родными – и не для кого больше!

Отталкиваясь от работ Т.А. Бертагаева [4, 5], Ц.Б. Будаева и многих других авторов, исследующих бурятский язык, можно сказать, что глубина изученности диалектов и говоров бурятского языка сильно различается (особенно, говоров и подговоров). Что обусловлено историческими, этническими, психологическими и политическими факторами (собственно, это отдельная социолингвистическая тема или даже целое направление – А.В.)

4. О состоянии бурятского литературного языка.

4.1. Как отмечает Г.Х.Ц. Гунжитова: «Нынешний период в истории бурятского языка характеризуется спорами относительно того, насколько обоснованным является то, что именно хоринский диалект составил основу современного бурятского литературного языка. Говоря языком социолингвистики, на сегодняшний день в Республике Бурятия имеет место внутриэтнический языковой конфликт, который вызван противостоянием мнений относительно литературного бурятского языка и выбора его диалектической основы» [9].

4.2. Полностью разделяю оценку, приводимую Гунжитовой, с небольшим дополнением – ситуация внутри этнического языкового конфликта по поводу развития бурятского литературного языка уже существует с 20-30-х годов XX века (то есть, около ста лет!) и находится в режиме постоянной пульсации: то затухает, то снова вспыхивает, но в итоге – не приходит к кардинальным коэволюционным (взаимовыгодным) решениям и позитивным последствиям.

4.3. Точка зрения Г.А. Дырхеевой выглядит следующим образом (если можно судить по одному фрагменту): «В результате многолетних и жарких дискуссий, в 1936 году было принято решение – ориентироваться на восточно-бурятское И - акающее наречие. Несмотря на большое число вопросов и проблем бурятского языкознания, уровень нормирования литературного бурятского языка относительно высок. ... Для бурятской литературы (в результате культурной интерференции, компьютеризации и

интернет) всё вылилось в жесточайший кризис, наблюдаемый в настоящее время» [14].

4.4. Вернемся снова к Т.А. Бертагаеву, который еще в 60-е годы XX века отмечал негативные последствия «однобокого нормирования» (термин принадлежит автору данной статьи) и предлагал находить выход в формировании бурятского койнэ: «В дальнейшем, когда литературный язык входит в свою норму, становится функционально обогащенным и разветвленным, обретает самостоятельность и определенные качества общенародного языка, говор или диалект утрачивает свою ведущую роль и становится узким, как основа литературного языка, малопитательным, как источник обогащения его... диалектическая узость некоторых грамматических и лексических явлений, перенятых литературным языком из ведущего говора или диалекта, мешает становлению в нем атрибута общенародности и доступности его всему населению, говорящему на данном языке. ... Для того, чтобы можно было развитие литературного языка основывать на койнэ необходимо заняться глубоким изучением современного языка с точки зрения его улучшения и ускоренного его развития» [5].

4.5. Вероятно, что со мной не согласятся многие ведущие филологи и лингвисты, изучающие много лет бурятский язык, но по моему субъективному мнению в п. 4.4. Т.А. Бертагаев выразил главную причину современного кризиса бурятского литературного языка – уже на протяжении около 90 лет бурятский литературный язык развивается преимущественно на хори диалекте, и можно сказать, что он «зациклился» на этом диалекте, всё дальше отрываясь от других говоров и диалектов бурятского языка, которые оказались в роли «пасынков и дальних родственников». То есть, призыв Бертагаева о необходимости глубинного изучения современного языка и разработки общебурятского койнэ не был услышан ни в 1960-е годы, и возможно, что он сознательно игнорируется и по настоящее время.

5. Об издании книг на бурятском языке.

5.1. Обратимся еще раз к богатой смыслами статье Г.А. Дырхеевой «Языковая ситуация в Республике Бурятия» и процитируем еще один важный и содержательный фрагмент: «За последние 10 лет на бурятском языке издано 148 книг, большинство тиражом от 100 до 500 экземпляров. Практически язык оказался вытесненным из важнейшей вербальной сферы бурятской культуры... Главное – сокращение числа писателей, пишущих на бурятском языке. Сложная языковая и личностная трансформация, которая длится уже не одно десятилетие. ... Только 11% опрошенных читают художественные произведения на бурятском языке. Только у 10% семей имеются небольшие библиотеки с книгами на бурятском языке. Скорее можно говорить об отсутствии книжного рынка на бурятском языке, чем о его наличии» [14].

5.2. Вполне разделяю вышеозвученную оценку Г.А. Дырхеевой. От себя дополню наблюдениями из Иркутской области. По моим многолетним наблюдениям, в районах Усть-Ордынского Бурятского округа процент владения бурятским литературным языком (полноценное владение и постоянное использование) составляет среди бурятского населения не более 1,5% (в самом лучшем случае – до 3%). В основном литературным языком владеют специалисты с высшим и средним специальным образованием, обучавшиеся в Улан-Удэ. Это, разумеется, печальный факт (его можно оспорить), но, тем не менее, он отражает реальную ситуацию.

5.3. Мне, конечно же, не во всем понятны глубинные причины литературного и книгоиздательского кризиса, резко снижающие появление новых книг, новых авторов и, одновременно, сокращающие число читателей и интерес к литературе на бурятском языке. Но, некоторые гипотезы на этот счет я попытаюсь высказать.

5.3.1. Во-первых, у меня возникает вопрос, почему не издается (или мало издается) литература на двух языках, т.е. на бурятском и русском в одном издании под одной обложкой. Учитывая распространенность

билингвизма, это необходимо делать, потому что, читая текст на одном языке читатель обязательно (в большинстве случаев) будет его сравнивать с параллельным текстом на другом языке. Этот принцип, кстати, положен в обучение языку начинающих самообучаться новому языку – так называемые тексты «по методу Ильи Франка». Например, в 2019 году «Новопринт» в Улан-Удэ издал поэму (эпос) «Шоно-Батор» [25] на бурятском и русском языках в одной книге – это сразу увеличивает потенциальное число читателей, и книга может служить прекрасным учебным пособием для изучения литературного бурятского языка, а для кого-то – и русского языка, и, безусловно, повышать качество билингвизма. Я уже не говорю о самом себе разумеющемся – о прекрасном эпическом произведении и прекрасном поэтическом переводе поэмы на русский язык Алексеем Гатаповым [25]. И для сравнения: в 2025 году «Бэлиг» (г. Улан-Удэ) выпустило замечательную книжку бурятских сказок (2-е издание) «Эхирэд бурядай онтохонууд» [11] на бурятском языке (может быть кто-то и издал перевод на русский язык, но он мне пока не попадался). Но если бы эта замечательная книжка вышла на двух языках – число её читателей (потенциальных) выросло бы на два порядка. И имело бы еще больший филолого-педагогический эффект (для обучения и самообучения бурятскому языку).

5.3.2. Если продвинуться дальше по этой схеме (изданий на двух языках) – можно было бы переиздать многие классические переводы с русского на бурятский язык, осуществленные в 60-80е годы XX века (и ранее), а также перевести на русский язык бурятских поэтов и писателей того же XX века (избегая идеологические и оставляя высокохудожественные) На мой субъективный взгляд, такие чисто маркетинговые (для книгоиздателей) ходы, могли бы вызвать серьезный интерес, и оживление книжного рынка литературы на бурятском языке.

5.3.3. Разумеется, нельзя не учитывать того фактора, что в XXI веке (последние 25 лет) произошло резкое падение интереса к «живой» настоящей книге, и народ повсеместно перестал читать, потребляя информацию через

телевидение, интернет и погрузившись в собственные смартфоны. И, разумеется, через эти каналы СМИ он получает информацию в основном на русском языке. Поэтому и будут доминировать билингвы.

Как отмечает Гунжитова в статье «Факторы витальности бурятского языка»: «За последние 10 лет создано большое количество интернет-продуктов (приложений для смартфонов, планшетов, сайтов). Созданы различные электронные пособия, игры, звучащие алфавиты, 3D словари и т.д. Вместе с тем, имеющихся ресурсов недостаточно для полного удовлетворения языковых потребностей различных категорий носителей бурятского языка» [9].

Вот именно – они не доступны для большого числа населения, и в первую очередь, из-за невладения литературным бурятским языком. А двуязычные книги резко увеличивают число читающих тексты на бурятском языке.

6. Заключительные замечания.

6.1. Вполне соглашаясь с Д.Д. Бадараевым и И.Г. Актамовым, отмечающими, что «для большинства бурятских студентов, считающих, что они более или менее знают родной язык, скорее характерен бытовой уровень общения с ограниченным словарным запасом и фактическим отсутствием навыков чтения и письма». И это вполне коррелирует со вторым выводом авторов о том, что существует «высокий уровень этноязыкового самосознания современных студентов, их готовность овладеть бурятским языком» [3]. С точки зрения и социальной и этнической психологии это вполне объяснимо – студентам хочется выглядеть прилично в собственном самосознании, поэтому они часто отвечают на такие вопросы декларативно, завышая оценку действительного знания языка, и демонстрируя готовность им овладеть или усовершенствовать знания родного бурятского языка. Можно высказать здесь правдоподобную гипотезу, что большинство из них после таких утвердительных ответов не предпримет реальных шагов по действительному изучению и совершенствованию своих навыков в изучении

и активном применении бурятского языка, если для этого не будет серьезных стимулов и факторов, способствующих к более глубокому изучению языка.

6.2. Есть более радикальные точки зрения и результаты по оценке уровня владения бурятским языком. Например, Э.Д. Дагбаев заявляет, что «94% опрошенных заявило, что они знают родной язык лучше какого-либо прочего», а «развитию бурятской идентичности до сих пор мешает «синдром 1937 года», когда в ходе политических репрессий, буряты подверглись в том числе и «этнической чистке». Афишировать принадлежность к данному этносу не было принято» [10] .

По первой части высказывания Дагбаева возникает сразу же вопрос о валидности его социологического опроса – какова была выборка опрошенных, где и в каком уникальном поселении проводился опрос? Также и о каких «прочих» языках подразумевает автор?

По второй части высказывания возникает вопрос – где и в каких местах проживают буряты, которые боятся афишировать свою принадлежность к бурятскому этносу? Мое субъективное мнение, что оба высказывания автора больше похожи на этнополитическую риторику времен распада Советского Союза. По крайней мере, за более чем сорок лет своих исследований и наблюдений в районах Иркутской области мне не приходилось сталкиваться с такими явлениями. Но это, опять же, мое субъективное мнение и видение, которое не претендует на исчерпывающее знание выше озвученной тематики.

6.3. Вся существующая статистика из переписи населения, социологических опросов и исследований нуждается в глубоком критическом анализе, на основе которого может быть разработана эффективная система мониторинга текущего и перспективного состояния и развития бурятского языка. Причем, в создаваемой системе мониторинга должно быть четкое разделение на исследование разговорного бурятского языка и литературного бурятского языка, поскольку существует принципиальное различие в содержании и функционировании этих форм-

разновидностей владения языком, о чем, кстати, отмечают в своей работе Э.В. Хилханова и Г.А. Дырхеева: «Анализ показал сложность самого понятия владения языком и его измерения» [24].

6.4. В работах филологов и лингвистов нередко даются попытки диагностировать состояние этнической идентичности и этнического самосознания через призму владения родным бурятским языком. В таких случаях нередко рождаются стереотипные и мифологические версии, которые далеки от подлинно научного обоснования и исследования. К примеру, в очень интересной и полезной статье С.С. Намдаковой «Разговорный бурятский язык в условиях контактирования с русским языком» есть такой любопытный и неоднозначный вывод, основанный на изучении владения родным языком: «Немаловажным фактором выступает и речевой стереотип билингвов, так называемая привычка использовать в своей речи русские слова и выражения, вместо соответствующих бурятских единиц. Причем, такие слова используются двуязычными билингвами совершенно спонтанно, неосознанно, что, возможно, говорит об изменении языкового сознания и мышления бурят» [20].

С точки зрения лингвиста – вывод верный и обоснованный, но с точки зрения герменевтического психоанализа здесь допущено смешение языкового сознания и мышления. Суть в том, что сознание и мышление – это взаимодействующие, но далеко не совпадающие феномены человеческой психики. Потому как в психике человека во многом доминируют бессознательные и подсознательные интуитивные процессы и алгоритмы, которые могут в малой степени зависеть от языковых элементов и в целом от языковой подсистемы психики. Грубо говоря, знание языка и его функционирование, не означает, что мы знаем психику и её функционирование, поэтому термин «языковое сознание» и «языковое мышление» в данном случае скорее выглядит как поэтическая метафора, а не точное научное определение.

Далее, многие языковеды приравнивают знание языка и этническую идентичность и этническое самосознание. Без сомнения, знание языка оказывает существенное влияние на самосознание и формирование этнической идентичности, но это вовсе не эквиваленты. Проще говоря, можно прекрасно владеть родным языком и одновременно иметь низкий уровень этнической идентичности, и, наоборот, иметь крайне слабый уровень владения родным языком, но быть при этом неукротимым националистом, т.е. обладать ярко выраженной этнической идентичностью.

Поэтому, моё субъективное мнение – делать вывод о мировоззрении человека на основе его знания и владения языком – это крайняя форма редукции и подмена научных понятий. Что имеет место, кстати, в статье А.А. Степановой [23].

6.5. Я вполне разделяю научное убеждение Г.А. Дырхеевой о том, что «бурятский язык – уникальный в плане изучения онтогенеза, функционирования и трансформации языкового сознания, он наиболее архаичен среди монгольских языков и претерпевает в последние годы значительные изменения» [12 цит. по 23].

Но, согласитесь уважаемые коллеги, что это утверждение в основном обращено к филологам и лингвистам, и не может служить основанием для мотивации широких слоев населения, и формирования у них устойчивой установки на изучение языка и активного использования в повседневной реальной жизни. В данном случае необходимы иные формулы и основания, в основном, социально-психологического и прагматического характера, т.е. переход из сферы филологии и лингвистики в сферу психологии, организации и менеджмента.

7. Выводы и предложения.

7.1. В основном, мои выводы и предложения будут ориентированы на развитие перспективных тенденций в отношении бурятского языка для жителей Иркутской области. Вероятно, что они могут задеть интересы или иметь значение для функционирования бурятского языка в Республике

Бурятия и Забайкальском крае. Естественно, что я не обольщаюсь на предмет того, что могу быть услышанным, и, тем более, верно и адекватно понятым теми людьми, которые обеспокоены текущим состоянием бурятского языка и его развитием в будущем. Но для меня важно высказать свое видение, свою точку зрения.

7.2. Я вполне разделяю мнение Г.Х.Ц. Гунжитовой о наличии «внутриэтнического языкового конфликта, который вызван противостоянием мнений относительно литературного бурятского языка и выбора его диалектной основы» [9]. Многие бурятские филологи, лингвисты, социологи и философы избегают этой темы, но она действительно существует и имеет радикальное значение для настоящего и будущего бурятского языка.

Но я не совсем согласен с Гунжитовой в том, что здесь может иметь определяющее значение «экономический фактор: сколько понадобится средств для того чтобы провести языковую реформу по смене диалектного языка». Но опять же, вполне разделяю мнение о том, что «дальнейшее развитие литературного бурятского языка может быть предопределено не внутренними языковыми факторами, а внешними, экстралингвистическими» [9].

7.3. Прежде чем высказывать основные свои предложения, я хотел бы прокомментировать один частный случай и его возможные последствия.

В июне 2016 года состоялась научная экспедиция к нижнеудинскими бурятам. Как говорит её участник и автор цитируемой статьи Ю.Д. Абаева – это была первая за 40 лет лингвистическая экспедиция в этот регион. «Нижнеудинский говор – самый западный говор бурятского языка, носители которого проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно диалектной классификации И.Д. Бураева, он представляет собой самостоятельный говор, стоящий особняком от других западно-бурятских говоров и диалектов (Бураев, 1988)» [1].

Напомним, что Т.А. Бертагаев классифицировал нижнеудинский говор как четвертый диалект бурятского языка, и, вероятно, имел для этого серьезные лингвистические основания.

Далее Абаева отмечает, что «вследствие изолированности и других факторов, звуковой облик этого говора характеризуется рядом уникальных черт, не имеющих аналогов в других бурятских говорах и диалектах». Подводя итог, автор статьи констатирует: «Молодежь практически не владеет бурятским языком... языковая ситуация в регионе вызывает опасения, поскольку данный говор находится под угрозой исчезновения. Другими словами, фиксация и исследование его звуковой материи крайне необходимы» [1].

По существу, Абаева говорит, что говор (диалект – Бертагаев) вымирает, и в ближайшее время нужно как можно больше записать на аудионосители звучание последних живых носителей уникального говора (диалекта). И что спасти его, вернуть к жизни, уже нельзя. Молодежь уже языком не владеет, а только пожилое население. Думаю, что когда через 40 лет приедет следующая экспедиция из Улан-Удэ, этого говора уже не будет – он прекратит свое существование. О чем можно будет писать научные статьи, делать сравнительный анализ с другими говорами и сокрушаться по поводу того, что мало сделали аудиозаписей.

Но можно иметь иную, кардинальную точку зрения. Почему бы, например, Иркутскому государственному университету при поддержке Правительства Иркутской области не организовать постоянно действующую научно-практическую (социо-лингво-педагогическую) экспедицию по изучению и возрождению нижнеудинского говора (диалекта) бурятского языка. Минимальный состав: 2 педагога практика, проживающих и работающих среди носителей нижнеудинского говора-диалекта и обучающих языку школьников и молодежь плюс три-пять студентов и аспирантов, приезжающих два-три раза в течение года на неделю или на месяц в летнее время, плюс пару научных руководителей по социально-педагогической и

лингвистической части программы экспедиции. Неужели в таком варианте есть что-то фантастическое и невыполнимое?

Тогда бы говор-диалект не только сохранился для науки в наиболее изученном виде, но и сохранился бы как живой и развивающийся язык.

7.4. Отталкиваясь от оценки ведущих специалистов, констатирующих что «потеря бурятского языка в Иркутской области (процесс языкового сдвига)» приняла необратимый характер [13], предлагаю ряд мероприятий, осуществление которых может кардинально изменить ситуацию и дать новый импульс для сохранения и развития бурятского языка в районах Усть-Ордынского Бурятского Округа и в других районах компактного проживания бурят в Иркутской области.

7.4.1. Создание в Иркутске и пос. Усть-Ордынский научно-методического центра (с филиалами в районах) по формированию и развитию нового бурятского литературного языка, основанием которого будет западный (эхирит-булагатский) диалект при активном участии всех диалектов и говоров, распространенных на территории Иркутской области.

7.4.2. Создание нового литературного языка, основанного на западном диалекте с участием иных диалектов и говоров бурятского языка вполне реально осуществить в течение ближайших десяти лет (2026-2035 гг.). Этому будет способствовать три главных фактора:

а) Существующий литературный бурятский язык, основанный на восточном (хори) диалекте, развитие которого в настоящее время создало критическую ситуацию утраты бурятского языка других диалектов и говоров в силу безусловности доминирования и латентной дискриминации разговорных языков всех иных диалектов и говоров.

Но за 90 лет развития накоплен богатый опыт, на который можно будет эффективно опереться при создании нового варианта литературного бурятского языка.

б) Существующие информационно-технологические ресурсы, которые позволяют многократно увеличить скорость становления нового

литературного языка. Например, использование оперативной полиграфии для быстрого тиражирования учебно-методических и иных материалов и разработок небольшими тиражами для организаторов и педагогов; единый сетевой ресурс, объединяющий всех участников проекта становления нового литературного языка; проведение видеоконференций и семинаров и т.д.

в) Учитывая мнение специалистов о том, что «звуковая организация бурятского языка такова, что она не располагает к быстроте речи. При убыстрении темпа речи возникает вероятность ее нечеткого акустического восприятия» [цит. по 23], основной акцент, помимо учебно-методического и научно-исследовательского направления, делать на создании поэтических, прозаических и драматических произведений, на популяризации устного народного творчества: аудио записи и тиражирование улигеров, сказок, былин, пословиц, поговорок и в целом бытующего разговорного жанра. С параллельным созданием студий и театров нового литературного языка, например, используя технологию студенческих театров эстрадных миниатюр, написание и постановки современных динамических сюжетов, отталкивающихся от эпических произведений и современного бытующего фольклора, сохранившегося у старшего поколения.

7.4.3. Работа над созданием нового литературного бурятского языка без всякого сомнения вызовет большой интерес к языку у всех слоев населения (школьников, студентов, молодежи, среднего и старшего поколения), хотя, в отдельных случаях, может иметь место негативная реакция, особенно со стороны носителей уже существующего литературного бурятского языка в силу консервативности и непонимания благотворного значения для развития бурятского языка как живого и культурного явления; непонимание того, что конкуренция вызовет оживление в прежнем литературном языке, основанном по преимуществу на восточном диалекте. Найдутся, вероятно, и любители «вставлять палки в колеса» новому конкурирующему проекту, но при наличии административной поддержки Правительства Иркутской области и администрации Округа и районов (в прежнем понимании) и при

формировании активной творческой сетевой структуры нового литературного языка, опирающейся на все слои населения Иркутской области, позволит преодолевать возникающие естественные и искусственные трудности и препятствия.

7.5. Подводя итог своим рассуждениям, которые могут казаться отвлеченными, теоретическими или даже утопическими, хочу напомнить давно известную максиму (житейское и прагматическое правило): «Кто хочет сделать дело – изыскивает ресурсы и возможности. Кто не хочет – находит объяснения и оправдания».

У меня нет особых иллюзий, что экспертное видение ситуации сможет когда-то превратиться в реальный живой проект, дающий новый импульс бурятскому литературному языку и его новому развитию на основе создания общебурятского литературного и разговорного койнэ, о котором мечтал когда-то выдающийся бурятский советский лингвист Трофим Алексеевич Бертагаев.

Основное препятствие – психологическая инерция и консерватизм, перетекающие в унылый конформизм и бесконечные разговоры об утрате родного языка и этнической идентичности, написание новых статей и диссертаций и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Ю.Д. [Звуковой облик нижнеудинского говора бурятского языка: современное состояние](#) / Ю.Д. Абаева // [Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН](#). 2016. Т. 9. № 4 (26). С. 95-102.
2. Бабуев С.Д. О дальнейших перспективах развития бурятского языка // История развития бурятского языка. Сб. статей. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН. 2006. С. 131-134.
3. Бадараев Д.Д.. [Бурятский язык в оценках студенческой молодежи \(по материалам социологического исследования\)](#) / Д.Д. Бадараев, И.Г. Актамов // [Восточный вектор: история, общество, государство](#). 2023. № 2. С. 29-37.
4. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков (опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров). Улан-Удэ. 1961. 160 с.
5. Бертагаев Т.А. О койнэ и путях развития национальных языков // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху.

(Материалы корд, конф., Улан-Удэ, 22-24 авг. 1963 г.). Улан-Удэ, 1965. - С. 81-95.

6. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). – Новосибирск: Наука. 1992. 217 с.

7. Бурчина Д.А. Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука. 1990. 449 с.

8. Виноградов В.А. Койнэ // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 230.

9. Гунжитова Г.Х.Ц. [Факторы витальности бурятского языка](#) / Г.Х.Ц. Гунжитова // [Филология: научные исследования](#). 2020. № 12. С. 41-50.

10. Дагбаев Э.Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник БГУ 2010. №6. - С.134-141.

11. Дамдинов Д.Г. Эхирэд бурядай онтохонууд. – Улан-Удэ: «Бэлиг хэблэл». 2005. 104 с.

12. Дырхеева Г.А. Развитие национально-языковых отношений и трансформация современных социолингвистических понятий и терминов // Двухязычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ, 2002. - С. 33-72.

13. Дырхеева Г.А. Социолингвистическое исследование недоминирующего языка: к проблеме проведения мониторинга языковой ситуации в Бурятии // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2015. №S10. С. 3-7.

14. Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. №4 (2). С. 302-320.

15. Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двухязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. №1. С. 5.

16. Дырхеева Г.А. [Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации](#) / Г.А. Дырхеева, Д.Д., Бадараев Э.В. Хилханова // [Научный диалог](#). 2022. Т. 11. № 5. С. 116-135.

17. Касаткин Л.Л. Говор Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 110-111.

18. Косых В.И. [Из истории Иркутского комитета по переводу учебных книг на бурятский язык](#) / В.И. Косых, Н.В. Богодухова // [Макушинские чтения](#). 1997. № 4. С. 86-88.

19. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: ВКН, 2015. 496 с.

20. Намдакова С.С. [Разговорный бурятский язык в условиях контактирования с русским языком](#) / С.С. Намдакова // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XI

Международной научной конференции (Майкоп, 20–23 декабря 2017 года). – Майкоп. 2017. С. 371-376.

21. Норбоева Р.Д.С. [Влияние русского и китайского языков на бурятский и монгольский языки](#) / Р.Д.С. Норбоева // [Бурятский язык и литература в школе](#). 2025. № 3. С. 3-9.

22. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука. 1968. 287 с.

23. Степанова А.А. Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо- и психолингвистические исследования // Вопросы психолингвистики. 2016. №4 (30). С. 206-2015.

24. Хилханова Э.В. [Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка](#) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева // [Томский журнал лингвистических и антропологических исследований](#). 2024. № 4 (46). С. 112-126.

25. Шоно-Батор. Бурят-моногольский героический эпос. Авторизованный перевод А.Гатапова. – Улан-Удэ: НоваПринт. 2018. 248 с.

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

THE BURYAT LANGUAGE: THE CURRENT STATE. TRENDS AND PROSPECTS (SUBJECTIVE NOTES BY AN INDEPENDENT EXPERT)

The author positions himself as an independent expert (on whom nothing depends) His opinion is the view of an outsider, but not indifferent to the development of the Buryat language. The article attempts to assess the current state of the Buryat language and its prospects for the coming decades, based on the research and conclusions of leading scientists of the Republic of Buryatia. The author examines the statistics of the use and proficiency of the Buryat language according to the population census and various sociological one-time and monitoring surveys and studies; bilingualism; the development of dialects and dialects; the state of the Buryat literary language; publication of books in the Buryat language. In conclusion, the author makes suggestions for the further development of the Buryat literary language.

Keywords: Buryat language, Khorinsky dialect, linguistic situation, literary Buryat language, Irkutsk region, bilingualism

Поступила в редакцию 10 июня 2026

УДК 904 (571.53)

А.В. Винобер, Е.В. Винобер

Иркутск, Россия

**БЕРНГАРД ПЕТРИ. НАЧАЛО ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
ПРИБАЙКАЛЬЕ (1912-1913 ГГ.)**

В настоящем очерке авторы обращаются к началу полевых исследований Б.Э.Петри в Прибайкалье: 1912 и 1913 гг. Представлены результаты проведенного авторами интернет-поиска фотографий, сделанных Б.Э.Петри во время экспедиций 1912 и 1913 гг. В июне 2026 года авторами были сделаны полевые выезды в дд. Алужино и Булуса Эхирит-Булагатского района с целью сбора информации о возможном сохранении исторической памяти или каких-либо преданий о первой экспедиции Б.Э. Петри. К сожалению, авторам не удалось обнаружить ни в Алужино, ни в Булусе каких-либо следов в памяти у местных жителей тех событий.

Ключевые слова: Бернгард Эдуардович Петри, иркутская школа археологии, Прибайкалье, этнография бурят, стоянка Улан-Хада, Алужино, Булуса

Бернгард Эдуардович Петри (1884-1937) – этнограф, антрополог, археолог, краевед, профессор Иркутского государственного университета, создатель иркутской школы археологии и этнографии, основатель вузовской археологии в Сибири [7],

Биография Б.Э. Петри на сегодняшний день довольно подробно исследована и описана иркутскими (в первую очередь) археологами и историками, введены в научный оборот многие архивные документы его жизни и научного творчества [4, 5, 11 и др.].

Б.Э Петри родился в 1884 г. в столице Швейцарии г. Берне. Отец – Эдуард Юльевич Петри – доктор медицины, профессор географии и антропологии Бернского университета, создатель практической школы антропозтнологии.

После ранней смерти отца опеку семьи взял на себя академик В. В. Радлов, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук, хорошо знавший Э.Ю. Петри. Он же способствовал устройству на работу в музей Любови Илларионовны Петри, матери Бернгарда Эдуардовича, на должность заведующей отделом Океании.

В 1910 году Б.Э. Петри окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и поступил на работу в качестве внештатного сотрудника в Музей антропологии и этнографии (МАЭ).

Весной 1912 г. Б.Э. Петри был командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Западное Прибайкалье (Иркутский и Верхотенский уезды) вместе с этнографом Василием Андреевичем Михайловым для обследования бурят в этнографическом и антропологическом отношениях.

В 1913 году состоялась вторая экспедиция в район к северо-западу от Байкала.

В 1916 г. Б.Э. Петри в третий раз приезжает в Сибирь с заданием «сплошного археологического обследования берегов Байкала».

В 1918 г. в Иркутске открывается университет, доцентом которого становится Б.Э. Петри. Здесь им в 1919 году был создан Кружок «Народоведения» (в дальнейшем – «Краеведения»), членами которого становились увлеченные археологией студенты и молодые сотрудники университета, впоследствии ставшие известными учеными: Г.В. Виноградов, М.М. Герасимов, А.П. Окладников, П.П. Хороших и др.

Результаты десятилетней работы кружка подвел сам Бернгард Эдуардович в опубликованном в 1928 году научно-популярном очерке «Далекое прошлое Прибайкалья» [цит. по 4]

В 1918 году становится членом ВСОРГО.

В 1920–1930-е гг. Б. Э. Петри осуществил огромный объем работ по изучению Восточной Сибири и Центральной Азии в этнографическом и археологическом плане. Уделил много внимания малым народам Восточного Саяна (тофаларам, сойотам) [4, 12].

28 мая 1937 был арестован года по обвинению в шпионаже в пользу английской и немецкой разведок. Согласно Постановлению Комиссии НКВД СССР от 14.11.1937 г. Бернгард Эдуардович Петри был расстрелян 25 ноября

1937 г. Предположительным его местом захоронения, как и многих других жертв политических репрессий, считается район пос. Пивовариха в нескольких километрах от Иркутска. Реабилитирован 19 июня 1959 г. Военным трибуналом ЗабВО [8].

«За сравнительно короткий период (1912-1932), в условиях непредсказуемых политических переустройств, неоднозначно воспринимаемых и сейчас, Б. Э. Петри удалось организовать и провести 15 экспедиций, абсолютно успешных в осуществлении заранее продуманных, поставленных и решенных научных и социальных задач. Подобные результаты кажутся невероятными, требующими дополнительного осмысления и анализа. Можно предположить, что нежелание или невозможность Б. Э. Петри завершить свои исследования одним или несколькими большими научными трудами, обобщающими и раскрывающими его идеи, усложняют для нас понимание полученных им результатов» [4].

Далее мы подробнее остановимся на полевых исследованиях 1912 и 1913 гг.

Как было сказано выше, Б.Э. Петри был командирован вместе с В.А. Михайловым.

Василий Андреевич Михайлов (1882–1925) – был сыном одного из самых богатых и влиятельных кудинских бурят – Андрея Михайловича Михайлова (Алсыкова). В доме его отца они с Б.Э. Петри прожили почти все время своей экспедиции, делая выезды в соседние и дальние улусы и на побережье Байкала.

Василий Андреевич Михайлов получил образование на восточном факультете Петербургского университета. Он был прекрасным знатоком быта, культуры и обычаев своего народа. Вот что пишет о нем Ц.Ж. Жамцарано в письме С. Ф. Ольденбургу: «У молодого Михайлова, студента, видел очень порядочные записи шаманских призываний. Из многократных разговоров я убедился, что студент Михайлов очень хорошо осведомлен в

шаманстве и проникнут психикой шаманства. Он с большим удовольствием и успехом совершает обряды и произносит молитвы к богам и духам. С этой стороны он является весьма ценным, и желательно бы использовать его для науки по шаманству (исключительно). Со своей стороны я буду помогать ему советами» [1].

Б.Э. Петри было поручено исследовать семейно-родовой строй бурят, их материальный быт и орнаменты, сделать возможно большее число антропометрических измерений и произвести археологическую разведку.

В. А. Михайлов должен был исследовать верования бурят шаманистов и составить подробное описание посвящения шамана.

Ниже мы приводим фрагменты из отчета о командировке за 1912 год [9].

«22 мая выехали из Санкт-Петербурга. 30 в ночь прибыли в Иркутск. По 2 июня провели в Иркутске. Отсюда двинулись на лошадях по Якутскому тракту и 4 июня прибыли в Кудинские степи, где поселились в улусе Хандатском у бурята Андрея Михайловича Алсыкова-Михайлова, отца В.А. Михайлова на три месяца.

... Поездка наша разбивается на 2 периода: 1) в долине реки Куды и 2) путешествию по берегам Байкала. Во время второго периода было сделано много наблюдений по материальной культуре береговых бурят, переживающих в настоящее время период перехода от скотоводческого образа жизни к охотничьему и рыболовному.

... С 4 по 6 июня я осматривал зимники и ирригацию.

7-го состоялась весенняя кочевка всего улуса (Хандатского) из зимников в летники.

7-го вечером мы наблюдали тайлаган.

8-го по приглашению бурята Петра Азынова я отправился в Заганаевский улус на обряд «онго хэхэ» (делать онгон). Обряд совершал молодой шаман Бултыг Бужинаев.

... С 9 по 13 провел в беседах и знакомствах с населением, ходил по юртам, осматривал священные рощи, предметы культа.

14-го июня мы посетили большой тайлаган хозяину горы. Описание тайлагана составляет особую начатую В.А. Михайловым работу, к которой он на каждом тайлагане делал дополнения.

... 16-го были на тайлагане соседних булусинских улусов. Особенно оживленно, благодаря дивной погоде, прошли скачки и борьба.

... 18-го мы присутствовали на жертвоприношении, которое совершал шаман Бултыг Бужинаев. ... Приносили жертвы умершим унгинским шаманам Балаганского уезда. ... Все фазы этого обряда мною сфотографированы.

... 24-го мы отправились на посвящение шамана в Сагаровском улусе Ординского ведомства. Посвящали белого шамана Василия Бартанаева. ... Я сфотографировал все стадии посвящения.

... С 7 июня по 1 июля мне удалось установить дружеские и доверчивые отношения с бурятами. ... Много этому способствовала любезность А.М. Алсыкова-Михайлова, предоставившего для наших работ отдельный небольшой домик. В этом домике мы установили фонограф и граммофон. Разложили фотографии и всякие мелочи, служившие для бурят неистощимым источником забавы. Буряты от природы очень любопытны и любознательны. Стекались со всех концов в большом количестве. Особенным успехом пользовался фонограф. Граммофон со своими чуждыми мелодиями никакого успеха не имел. При подборе хороших голосов мы составляли хор и записывали песни, иногда устраивали состязание в поговорках, пословицах и загадках, которые записали от них в большом количестве. ... Сделал антропологические измерения 150 человек, в том числе 30 женщин. Измеряемых я фотографировал или по одному (фас и профиль) или небольшими группам человек по 5 (тоже фас и профиль).

... До 11 июля провел в Хандатском улусе за записями, распросами и составлением родословных.

... 11 июля мы выехали в Курумчинский род, где в улусах Шохтой и Тахарек провели по 15 июля. Здесь нас приютил Н.А. Ханхасаев, бурят по происхождению, один из видных сибирских коммерсантов. ... Здесь произведено много измерений, записано много новых данных о семье и роде и легенды.

... 20 июля состоялся большой тайлаган Ашехобатского рода на горе Манхай в честь хозяина этой горы. ... Сделаны фотографические снимки.

Между 21 июля и 3 августа занимались нашей обычной работой: составил родословное дерево Хандатского улуса, измерял, фотографировал, зарисовывал бурятские старинные орнаменты, делал фонографические записи.

... С 8 по 12 августа я провел в Курумчинском роде, где рисовал орнаменты, планы ирригационной системы, фотографировал и дополнял записи. Здесь я нашел стоянку, относящуюся к железному веку (повидимому – началу). В этом мне помогала учительница Курумчинской инородной управы О.А. Монастырева.

В Шохтое я близко сдружился с бурятом, имевшим двух жен, благодаря чему мог непосредственно наблюдать полигамию.

... Период между 13 и 16 августа я провел за приведением в порядок записей, дополнением и проверкой их, составлением таблицы родственных названий; сделал подробное описание, иллюстрированное фотографиями, производства войлока, обработки кож, постройки, устройства и разделения юрты, способа свежевания мяса и т. п.

Кроме того, снял планы с трех мест, расположенных на высоких горах, на открытых и «веселых» местах, которые имеют вид укрепленных окопами лагерей, обнесенных одним, двумя или тремя рядами рвов (скорее всего речь идет о памятниках федерального значения – капсальских городищах: Капсал I, II, III [3] – А.В. и Е.В). Эти укрепления, если верить преданиям, сохранившимся в памяти бурят-стариков, служили монголам для защиты скота от волков.

... 3 сентября выехали на остров Ольхон, куда прибыли лишь 6-го в улус Семь сосен. Здесь пробыли три дня. ... **Начертил подробный план крепости, сложенной на мысу из камней и имевшей, по видимому, то же значение, что и окопы на горах в долине р. Куды** (курсив – А.В. и Е.В.).

... 17 и 18 сентября – посетил Кутум (Кутул – А.В., Е.В.), улусы Зугдук, Уланхан, Курма и Сарма.

В этот же день, благодаря полученным от бурят сведениям, мне удалось открыть богатейшую неолитическую стоянку... Всего было собрано 480 предметов.

... Далее, ввиду позднего времени, пришлось спешно выбираться, оставив неисследованным как само Кутульское ведомство, так и Еланцы, Алагуй и др.

Лишь 23-го добрались до Курумчинского ведомства. Я остался в Шохтое, в гостеприимном доме Н.А. Ханхасаева. ... Учительница О.А. Монастырева во время моего отсутствия нашла еще две стоянки, относящиеся к тому же периоду, что и первая стоянка в улусе Шохтой. На одной из них в местности Обоги я произвел раскопки и раскопал первобытный плавильный завод, имеющий вид землянки, в которой устроен небольшой горн. Сделал чертеж.

... 26-го сентября вернулся в улус Хандатский. 28-го выехали в Петербург, куда прибыли 7 октября.

В результате моих летних работ мною собраны полные и подробные сведения по семье и роду (около 100 печатных страниц); сделано 150 антропометрических измерений; собраны сведения и подробно описаны производство войлока, обработка кож, устройство юрты, ирригация и т. д.; зарисовано более 30 калек со старинными бурятскими орнаментами; снято и проявлено около 350 негативов; раскопана одна неолитическая стоянка (Улан-Хада), с которой вывезена коллекция в 480 предметов (керамика, наконечники стрел и копий, нуклеусы, лямы, удочки и т. п.); раскопаны две стоянки железного века (Шохтой и Обоги); на одной из них раскопан

плавильный завод, на другой найдена шахта, вывезено много керамики, глиняные сопла, остатки плавильной печи, тигеля, оселки и т. п. (всего около 400 предметов); записаны на 23 фонографических валиках шаманские напевы, песни, ламское богослужение, разговорная речь, изречения и т. д.

В. А. Михайловым в течение лета записаны посвящения шамана у кудинских и ольхонских бурят, все призвания белым шаманским божествам у кудинских бурят, имена черных божеств и их призвания, шесть призваний заянам, 160 загадок, несколько рассказов, свыше 50 песен, описаны жертвоприношения частного и общественного характера, и выяснено значение многих других религиозных обрядов [9].

Далее приводим фрагменты из отчета за 1913 год [10].

«Моя вторая поездка преследовала две цели: раскопать неолитическую стоянку, найденную на берегу Байкала в предыдущую поездку, и дополнить и отчасти проверить прежние мои материалы по этнографии и антропологии бурят.

Предварительно я поехал на несколько дней в Финляндию, чтобы посоветоваться с археологом К.И. Сойкелли, который в течение последних лет раскапывает под Выборгом неолитическую стоянку, аналогичную найденной мною.

Выехав из Петрограда 19 мая, я 26-го был в Иркутске.

... Для работы на раскопках (с помощью местных властей – А.В., Е.В.) сформировал археологическую артель рабочих из политических ссыльных в составе 19 человек в селе Манзурка.

... 4-го июня выехал из Манзурки. На почтовой станции Хогот, нагрузив на телеги ожидавшие вещи, оставил Якутский тракт и двинулся по крайне неудобной дороге на Ольхон. 7 июня достиг мыса Улан-Хада, где и расположился лагерем.

... Вскрыта площадь в 50 кв. метров, вынуто 550 кубов и пропущено сквозь грохоты 200 куб. метров земли. ... Общая поверхность вскрытых слоев составляет 600 кв. метров. 11 слоев.

Жил я в течение этого месяца в помещении Ольхонского инородческого училища. В первый месяц, когда шли раскопки, сюда от времени до времени свозилась и складывалась добыча. Школа расположена в 12 верстах от места раскопок вблизи Ольхонской управы, в поселке Кутул.

... Отсюда я совершал поездки в соседние улусы и по окрестностям. В течение этого же месяца я близко сошелся с очень дельным и умным бурятом Хонгоровыми, хорошо знающим обычаи своих соплеменников. С ним мы собирали стариков и вели распросы по интересовавшим меня темам. При его помощи я проверил и дополнил многие из своих прошлогодних записей, а также узнал много нового. ... Закончив работу в Ольхонском ведомстве, я выехал 7-го августа на верхнюю Лену, куда прибыл 12-го августа и остановился у бурята Анганова. ... Исследования верхоленских бурят продолжались до 27 августа.

... Далее выехал в Кудинские степи, где оставался до 20 сентября.

... продолжил свои прошлогодние раскопки стоянки железного века (первобытные кузнецы в Курумчинах).

Кудинские степи были конечным пунктом моей поездки. Поблагодарив А.М. Алсыкова-Михайлова за гостеприимство и содействие, я отбыл в Иркутск». Приложение «Денежный отчет» и фото (рис. 1, 2) [10].

Рис. 1. Общий вид на стоянку «Улан-Хада» и залив Мухор; слева от дерева на берегу – пространство выдува, справа – ненарушенные пласты и место раскопок [10].

Рис. 2. Общий вид на раскопки. Выборка кубов по слоям, виднеющихся на переднем плане [10].

Помимо опубликованных отчетов, сведения об экспедиции в Прибайкалье известны из его писем в Музей антропологии и этнографии: «Таких искренних и восторженных писем, как из этой первой поездки, Петри из других поездок не писал. Базой экспедиции стали ст. Жердовка Иркутской губернии, с. Усть-Орда, улус Хандатский (совр. Алужино)» [12].

Первое письмо В.В. Радлову датировано 24 июня 1912 г.: «Меня прекрасно устроили и окружили заботою и вниманием. С бурятами я очень подружился, и они меня полюбили. Среди них у меня много друзей, я к ним часто хожу в гости, и мы очень весело болтаем; я же попутно узнаю очень много из их жизни. Они тоже в свободные минуты заходят в домик, где я живу, навестить меня, поболтать, послушать фонограф и посмотреть фотографии. Слава о нашем фонографе облетела уже окрестности, и его послушать приходят издалека. Таким образом, у меня всегда толчется народ, и я беру с него контрибуцию, т. е. расспрашиваю и измеряю. Кроме того, у меня открыто фотографическое ателье, и я сделал уже довольно много снимков, в благодарность за которые мои добрые гости получают портреты. Измерения пошли хорошо и не возбуждают особых страхов. Измерять я начал лишь несколько дней тому назад, предварительно заручившись симпатиями публики». Позже делать антропометрические измерения стало сложнее, «главным образом благодаря бурятской подозрительности и слухам о введении воинской повинности. ... собрано всё систематически, снято всё сериями, дающими представление о всём событии».

О первом опыте работы 11 июля 1912 г. Б.Э. Петри писал Л.Я. Штернбергу: «Я беру ласковым и вежливым обращением, уважением к их обычаям и степенным разговорам и лаской, лестью их национальному самолюбию. Я себя окружаю стариками, причём самым большим другом делаю человека, говорящего свободно по-русски. Когда лёд пробит, и из моих расспросов им ясно, я устраиваю небольшое заседание и начинаю задавать вопросы. Старики мои отвечают мне или вдруг начинают неистово спорить по-бурятски, а затем, когда дело выяснят, выносят мне на русском

языке резолюцию. Конечно, если бы я говорил по-бурятски, было бы лучше, но я и так не чувствую большого недостатка или неудобства от этого пробела, так как почти все говорят более или менее свободно по-русски, а некоторые даже отлично».

Телеграммой из Жердовки он рапортовал в МАЭ: «После ряда препятствий закончили Ольхонскую поездку открыли богатейшую политическую (так в оригинале, правильно – неолитическую – А.В., Е.В.) стоянку вторую железного века просим дополнительно сто рублей по получении выезжаем немедленно. Петри Михайлов» [12].

Нами при проведении литературного и интернет-поиска были обнаружены на сайте Музея антропологии и этнографии РАН в разделе «Коллекции онлайн - Фотоколлекции» [6] фотографии из экспедиций Б.Э.Петри в Прибайкалье в 1912 и/или 1913 году. Это только небольшая часть, так как сам Б.Э.Петри в отчете за 1912 год указывал, что сделал «около 350» фотографий.

На сайте размещены две коллекции: №2220 и №2049.

Из последней коллекции числится только одна фотография под номером «2049-69» (рис.3) с подписью «Б.Э.Петри среди бурят. Буряты. Россия, Забайкальский край. 1912».

Здесь скорее всего ошибка, так как в 1912 году Б.Э. Петри в не был в Забайкальском крае.

Коллекция под номером «2220» имеет подписи «Б.Э. Петри (под вопросом). Буряты. ... Россия. Иркутская область. Не позднее 1913» В некоторых случаях указаны подробности: например: «группа бурят», «бурят с женой» и т.п. (рис.4).

Мы предполагаем, что обе эти коллекции принадлежат к периоду первой экспедиции 1912 года. Так как в отчете за 1913 года Б.Э. Петри упоминает, что фотографии были сделаны только при раскопках стоянки Улан-Хада.

Рис. 3. Фото из Коллекции Музея антропологии и этнографии. Фото имеет подпись: «Б.Э. Петри среди бурят. Буряты. Россия, Забайкальский край. 1912» [6]

Рис. 4. Фото из Коллекции Музея антропологии и этнографии. Фото имеет подпись: «Петри Б.Э. (под вопросом). Группа купцов и лам. Буряты. Россия, Иркутская область не позднее 1913» [6]

А.В. Харинский в статье «Капсальские горы и городища» отмечает, что «Б.Э. Петри относил к периоду поздней железной эпохи «особые укрепления, которые сооружались на горах или вернее горных отрогах (мысах)». Под «укреплениями» Б.Э. Петри понимает выделенные его предшественниками «городища» Кудинской и Ангарской долин и каменные стены Приольхонья. Оценивая оборонительные возможности этих укреплений он (Б.Э. Петри) указывает, что «в стратегическом отношении эти места в большинстве случаев совершенно не пригодны». По его мнению «гораздо правдоподобнее бурятское предание, рассказывающее, что это загоны для скота на ночь, сооруженные их предшественниками монголами» (Петри, 1922; 1928)» [13].

Но еще в отчете о поездке в 1912 году Петри писал: «снял планы с трех мест, расположенных на высоких горах, на открытых и «веселых» местах, которые имеют вид укрепленных окопами лагерей, обнесенных одним, двумя или тремя рядами рвов»... А, находясь на острове Ольхон, «начертил подробный план крепости, сложенной на мысу из камней и имевшей, по видимому, то же значение, что и окопы на горах в долине р. Куды».

То есть изначально Петри установил, что капсальские городища и остатки крепости на Ольхоне «имеют вид укрепленных окопами лагерей, обнесенных одним, двумя или тремя рядами рвов».

Но А.В. Харинский, ссылаясь на публикации Петри 1920-х годов, «продвигает мнение» о том, что Петри считал, что некоторые из городищ не могли быть оборонительными сооружениями.

В словаре «ВСОРГО в лицах» О.Ю. Митина отмечает, что «Б.Э. Петри - один из создателей Иркутской школы сибиреведения» [8]. И ни слова не говорит о том, что он создатель научных школ сибирской археологии и этнографии.

Этот «пробел» необходимо восполнить. Мы уже неоднократно сталкивались в этом замечательном словаре [2] с биографической и научной неполнотой по К.К. Стукову, В.Ф. Дягилеву и некоторым другим историческим персонам. По видимому, организаторы и создатели словаря

очень торопились выпустить свое издание к какому-либо юбилею и в спешке пренебрегли научной полнотой и достоверностью отдельных биографий.

В процессе подготовки настоящей статьи мы решили проверить, сохранилась ли историческая память или какие-либо предания о первой экспедиции Б.Э. Петри 1912 года.

Скопировав фотоматериал с сайта [6], мы побывали в некоторых их тех мест, где происходили первые экспедиционные исследования Б.Э. Петри: 3 июня 2026 года мы посетили деревню Алужино (окрестности бывшего улуса Хандатского). Побеседовали с библиотекарем и директором клуба и оставили им копии фотографий Б.Э. Петри.

10 июня – посетили д. Булуса, где 16 июня 1912 года Б.Э.Петри проводил первую фотосъемку бурятского тайлагана. Здесь мы также имели знакомство с педагогами школы и также оставили им фотографии.

Ни в Алужино, ни в Булусе нам не удалось обнаружить каких-либо следов памяти тех событий у местных жителей, что, впрочем, не удивительно. Многие жители Алужино и Булусы переехали в эти населенные пункты во времена Советского Союза, в основном в 50-60е годы XX века.

Населенный пункт Кутул, в котором Б.Э. Петри работал в 1913 году, в эти же годы прекратил свое существование, как и давно нет улуса Хандатского.

Более того, в настоящее время почти не осталось прежней исторической памяти и бурятских преданий и фольклора, имевших место во времена исследований Б.Э. Петри. Но это уже тема нашей следующей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванчикова Ц.П. [Жамцарано к А. М. Михайлову](#) / Ц.П. Ванчикова // [Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук](#). 2015. № 3 (19). С. 63-75.
2. ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.) / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. – 431 с.
3. Винобер А.В. [Капсальские горы и «городища»](#) / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее .2021. №2(5). С. 31-38.

4. Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П. Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2008. – 260 с.
 5. Калихман А.Д. По делам их узнаете их / А.Д. Калихман, Т.П. Калихман // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3-6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 53-58.
 6. Коллекции онлайн – Фотоколлекции. Режим доступа: collection.kunstkamera.ru (Дата обращения 28.02.2026)
 7. Медведев Г.И. Что в имени твоём, Бернгард? / Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, И.М. Бердников, Е.А. Липнина, Л.П. Зимина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. №. С. 110-126.
 8. Митина О.Ю. Бернгард Эдуардович Петри // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.). под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021.С. 269-271.
 9. Петри Б.Э. Отчет о командировке Б. Э. Петри и В. А. Михайлова. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1913. – С. 92-110 (отдельный оттиск из «Известий Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», 1913. – Серия II. – № 2). С. 92-110.
 10. Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1914. – С. 89-106. (отдельный оттиск из «Известий Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», № 3). С. 89-106.
 11. Сирина А. А. Бернгард Эдуардович Петри // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. №1 (2). С. 10-13.
 12. Соболева Е.С. [Монгольский этап экспедиций Бернгарда Эдуардовича Петри](#) / Е.С. Соболева // Рериховское наследие: сб. мат. XVI Междунар. науч.-прак. конф. (Санкт-Петербург, 07–09 октября 2016 года). – Санкт-Петербург: [Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры "Музей-институт семьи Рерихов"](#). 2017. С. 92-117.
 13. Харинский А. В. Капсальские "городища" / А. В. Харинский // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. . Вып. 5. С .200-217.
-

A.V. Vinober, E.V. Vinober

Irkutsk, Russia

BERNGARD PETRI. THE BEGINNING OF FIELD RESEARCH IN THE BAIKAL REGION (1912-1913)

In this essay, the authors address the beginning of B.E. Petri's field research in the Baikal region: 1912 and 1913. The authors present the results of their online search for photographs taken by B.E. Petri during his expeditions in 1912 and 1913. In June 2026, the authors made field trips to the Aluzhino and Bulusa of the Ehirit-Bulagatsky district in order to collect information about the possible preservation of historical memory or any traditions about

the first expedition of B.E. Petri. Unfortunately, the authors were unable to find any traces in the memory of the local residents of those events either in Aluzhino or in Bulus.

Keywords: Berngard Eduardovich Petri, Irkutsk School of Archaeology, Baikal Region, Buryat Ethnography, Ulan-Khada Site, Aluzhino, Bulusa

Поступила в редакцию 15 июля 2026

УДК 7.04-035.3 (571.5)

Е.В. Винобер, А.В. Винобер

Иркутск, Россия

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ДЕКОРОМ ОКОННЫХ НАЛИЧНИКОВ В
МАЛЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКОГО,
КАЧУГСКОГО И ИРКУТСКОГО РАЙОНОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
(ВЗГЛЯД КРАЕВЕДОВ)**

Первая часть статьи представляет собой краткий литературный обзор исследований исторических, эстетических и стилистических аспектов наличников. Во второй части представлены авторские фотографии наличников из Эхирит-Булагатского, Качугского и Иркутского районов Иркутской области с краткими комментариями места съемок.

Ключевые слова: наличник окна, оконный декор, деревянная архитектура, орнамент, Иркутская область

«Искусство это красота, а красивая вещь есть радость для всех».
К.Г. Юнг

«Человек по натуре своей – художник. Он всюду, так или иначе, стремится вносить в свою жизнь красоту». М.Горький

Бывая в последние годы с туристско-краеведческими целями в малых населенных пунктах Иркутской области (поселках, селах, деревнях), мы не могли не заметить, что еще сохранились дома и домовый декор XIX века, но и что определенная часть (не беремся оценивать эту часть) домов, а вместе с ней и их история теряется на глазах или уже утеряна.

Увиденное побудило в нас интерес к изучению и исследованию различных аспектов деревянных наличников.

Исторический аспект

Первые наличники, относились к XI в., их фрагменты обнаружены при раскопках Великого Новгорода, в полном же виде мы можем их наблюдать не ранее середины XIX, т. к. дерево материал недолговечный [16].

В декоре крестьянских домов европейской части России первые наличники появились в конце XVIII в., а на Урале и в Сибири только в середине XIX в. [1].

Отдельные авторы рассматривают моду на наличник как один из первых знаков промышленной революции в России последней трети XIX века [15].

Окончательно наличники сформировались в XVIII-XIX вв. Обозначенный период совпадает с интенсивным строительством городов по всему Сибирскому региону. Наибольшего расцвета в архитектурном художественном решении наличники достигли во второй половине XIX начала XX вв. [13].

Безусловно, деревянную архитектуру малых населенных пунктов нельзя рассматривать в отрыве от городской, где она берет свои истоки.

На рубеже XVIII-XIX веков сибирские города оказываются под влиянием государственной политики в области градостроительства, распространение получает классицизм. Его черты, заложенные проектами «образцовых фасадов», местными мастерами, ремесленниками были переработаны и получили воплощение в деревянных наличниках. Практически одновременно со скромным убранством классицизма получают распространение и всеобщую любовь наличники с барочными волютами. После пожара 1879 года, уничтожившего центральную часть города, Иркутск вновь отстраивается со значительным перевесом в сторону деревянной застройки. Наличники домов приобретают кружевное разнообразие, которое включает и элементы классической архитектуры начала XIX века, и неязыческие мотивы, создавая своеобразную эклектику иркутских наличников [19].

Во всех населенных пунктах Иркутской области, основанных в XVII–XIX веках, еще можно встретить старинные деревянные дома, имеющие архаичные конструктивные элементы, заслуживающие особого внимания

специалистов. Несомненно, главными образцами в декоре деревенских домов были близлежащие города (в первую очередь, Иркутск) [1].

В становлении и развитии декора в деревянной архитектуре Томска на примере наличников выделяют 4 этапа:

1. XVII - первая половина XVIII вв.: русский стиль
2. Конец XVIII первая половина XIX вв.: классицизм
3. Вторая половина XIX начало XX вв.: барокко
4. Конец XIX начало XX вв.: модерн [12]

Эстетический аспект

Авторы сопоставляют наличник с другими формами использования декора и техник декоративно-прикладного искусства в этот период, такими как павловопосадский платок.

Ссылаясь на классическую работу Н. Н. Соболева «Русская народная резьба по дереву» (1934), авторы отмечают ряд тезисов, ставших общими положениями в изучении наличников: 1) Фигурная резьба XVII века возникла не только в результате развития технологий, но и под влиянием интермедиального контекста, например, дизайна книг, декора «фряжских листов», то есть западноевропейской графики, 2) развитие декора напрямую связано с усилением театрализации как в церковном быту (сакральные представления XVII века, крестные ходы), так и в светском (декорирование частных помещений) [15]

Наличник был востребован на Руси с давних пор не только, как функциональная деталь экстерьера, но познавательный, информационный, культовый предмет. Как объект наиболее выразительный в плане пластического и содержательного наполнения он включал в себя компоненты художественно-обобщенные, знаковые, несущие в себе культуру далеких языческих времен, дошедшую до наших дней и трансформированную человеческим опытом в современный декоративно-прикладной объект. И в этом уникальность наличника. Будучи изначально явлением утилитарным, предохраняющим оконный проем от внешних воздействий - ветра, дождя он

связал нас с культурой наших предков и обогатил современный пластический язык неповторимой уникальностью насыщенного содержанием символа. Сам по себе стал художественным образом [16].

Стилистическим особенностям деревянных оконных наличников Иркутска посвящены публикации многих исследователей деревянной архитектуры: М.Г. Мееровичем, И.В. Калининой, Т.А. Крючковой, Э.Г. Павлюченковой, В.С. Шишканова, Н.А. Зарубиной, В.А. Асманкиной, и мн.др.

«Систематизация по оконному декору вполне может быть (в большинстве случаев) основным критерием классификации деревянной архитектуры. Согласно результатам натурного исследования исторической деревянной гражданской архитектуры города Иркутска, по стилистическому принципу оконного обрамления были выявлены четыре основные группы (рис. 4): 1) сибирское барокко; 2) древнерусские мотивы; 3) имитация каменных аналогов; 4) восточные мотивы [18]

Малым населенным пунктам Иркутской области посвящено совсем небольшое число публикаций.

Интересной в этом отношении является статья исследователя из пос. Усть-Ордынский Е.В. Асалхановой «Мотив «бараний рог» и другие стилистические особенности декора деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области во второй половине XIX – начале XX веков». В статье впервые исследуется наружный декор деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский. Автором впервые выявлен в декоре наличников архаичный орнамент кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Южной Сибири «бараний рог» [1].

Ранее, в 30-е годы прошлого века известный иркутский художник Б.И. Лебединский (1891-1972) изучал архитектуру русских городов, быт народов. В 1929 году вышел его альбом «Иркутский острог», где автор сделал краткий исторический иллюстрированный очерк. В 1929 году также вышла его статья

«Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа дер. Грановщина». Не утратили своей актуальности слова Лебединского: «Сибирская пригородная деревня почти не останавливала на себе внимания исследователя. То, что сделано в этом отношении, слишком мало, слишком незначительно, тогда как изучение пригорода дало бы громадные результаты, в смысле определения влияния культуры города на свою периферию. Изучение деревни, расположенной вблизи города, должно охватить не только быт, но и искусство в полном его объеме» [14]. Статья содержит 27 авторских рисунков: мотивы резьбы, наличники, ворота, дома.

Ниже мы представляем авторские фотографии наличников из Эхирит-Булагатского, Качугского и Иркутского районов Иркутской области (рис. 1-9) с краткими комментариями места съемок. В своих описаниях мы на данном этапе не будем касаться научных классификаций стилей оконных наличников и техник их изготовления.

с. Капсал. Эхирит-Булагатский район.

Село Капсал (ранее – улус Капсал) находится в 16 км к юго-западу от районного центра, поселка Усть-Ордынский.

Л.В. Курас отмечает, что первое упоминание о Капсале относится в середине XIX в. Мы предполагаем, что местность Капсал, как и Муринская и Кудинская долины, были заселены со времен неолита, а, скорее всего, и ранее. А в середине XIX века Капсал был одним из «центров притяжения», имевшим широкие связи со многими родами нынешней территории Эхирит-Булагатского, Баяндаевского и Ольхонского районов [6, 7].. В памятной книжке Иркутской губернии на 1861 год отмечается Капсальская инородная управа: число сельских обществ – 4, из них дворов – 1906, мужчин – 2602 чел., женщин – 1827 человек [4].

В 1862 году в улусе Капсал было открыто приходское инородческое одноклассное училище. В 1929 году школа переехала в двухэтажный дом купца Василия Кирилловича Хадеева, построенный в 1865 году. Изначально дом находился в улусе Бадыр, но позже его перевезли в Капсал.

Рис. 1. Село Капсал. Наличник дома по ул. Центральная, 1. Фото авторов

Наличники на доме имеют довольно хорошую сохранность, несмотря на то, что дом заброшен, видимо, уже более двух десятков лет. По нашим предположениям, время появления этих наличников можно отнести к началу XX века.

В конце XIX в. появляются наличники с треугольным выступом на лобовой доске, что было заимствовано из архитектуры классицизма [1].

Интересен орнамент верхней части наличника: в центре расположены два симметричных узора, возможно, имеющих восточный мотив. Над ними располагается неизвестный нам (пока) символ в треугольнике. *Всего на доме сохранилось 5 таких оконных наличников. В ограде дома сохранилась также дворовая постройка предположительно конца XIX начала XX..*

пос. Усть-Ордынский. Эхирит-Булагатский район.

Поселок прошел большой путь от маленького бурятского улуса Харганай. В 1925 году был признан административным центром. В сентябре

1937 года одновременно с разделением Восточно-Сибирского края на Иркутскую и Читинскую области в составе Иркутской области был образован Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (впоследствии Усть-Ордынский Бурятский) автономный округ. Чрезвычайно острой была в Усть-Орде нехватка жилья. Оргкомитету, созданному тогда, предстояло не только разместить будущие окружные учреждения, но и обеспечить их сотрудников жильем. Оргкомитет покупал дома в близлежащих деревнях и улусах, организовывал их перевозку и сборку в Усть-Орде. Этот метод достаточно широко использовался здесь и позже. Перевозились и дома раскулаченных или репрессированных ранее жителей окрестных населенных пунктов. Часть домов была приспособлена для окружных учреждений, а часть – под жилье. За период 1938–1941 гг. Усть-Орда значительно выросла: появились целые улицы из домов, перевезенных из разных мест [8].

Рис. 2. пос. Усть-Ордынский. Наличник дома по ул. Быкова, 17. Фото авторов

Наличник имеет довольно часто встречающиеся художественные элементы. «В центре полукруг солнца, символизирующий полдень и по краям две четверти круга (знаки восходящего и заходящего солнца)» [1]. Горизонтальные прямоугольные знаки символизируют поле.

Т.А. Кубанова, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, считает, что улицы со старинной застройкой в п. Усть-Ордынский представляют собой «музей под открытым небом». К сожалению, поселок стремительно теряет свою идентичность. Многие наличники уже безвозвратно утеряны. В населенных пунктах округа также нужно исследовать старинные дома, деревянные юрты, многие из которых заброшены [8].

д. Куяда. Эхирит-Булагатский район.

Первые свидетельства о поселении Куяда относятся к 1681 году. Название деревня получила от реки Куяды (река бегущая по оврагу заросшему ивняком), на берегу которой и расположилась деревня. С 1718 года Куяда была вотчиной Посольского Свято-Преображенского монастыря, состояла из трёх домовладений. В 1734 г. начато строительство церкви, перевезённой из с. Оёк, была освящена в 1736 г. Церковь была деревянная с одним крестом, имела один престол во имя Святых апостолов Петра и Павла.

В 1894 г. было открыто Куядское одно классное училище, которое содержал купец Нечаев Николай Ионович. В 1900 году обучалось 33 мальчика и 9 девочек, а закончили 2 мальчика и 5 девочек [9].

Рис. 3. д. Куяда. Наличник дома по ул. Мира, 40. Фото авторов

Рис. 4. д. Куяда. Наличник дома по ул. Мира, 34. Фото авторов

Наличник (рис.4) лучковой формы, в целом, простой, но выдержан в русском стиле (предположительно). Ставни дощатые без филенки, лобань с простейшим геометрическим орнаментом (ромб). Возможно, это был дом небогатых крестьян.

д. Алужино. Эхирит-Булагатский район.

Деревня Алужино (до 1995 года – село) расположена в Муринской долине, в 14 км от районного центра.

Деревня образовалась в середине XX века путем слияния нескольких бурятских улусов, некогда располагавшихся на этой земле: улусы Боро, Хандаа, Баазай, Хамардай и другие. По материалам архива здесь находился один из буддийских дацанов, построенный в 1920 году, с числом прихожан в 700 человек [11].

При образовании села Алужино были свезены на новые места дома и надворные постройки. Это заметно при обозрении деревни: часть домов имеет облик постройки начала XX века, а часть домов – советского периода.

Рис. 5. д. Алужино. Фрагмент наличника окна до по ул. Степная, 55 Фото авторов

Рис.6.д. Алужино. В этом здании размещалась школа. Фото авторов
с. Верхоленск. Качугский район.

Как острог основан в 1641 году – на 20 лет раньше Иркутска. Здесь насчитывается более сотни домов, признанных объектами культурного наследия. Это своеобразный музей под открытым небом.

В архивной справке Государственного архива Иркутской области (ГАИО), размещенной на сайте архива, находим сведения о Верхоленске. В 1775 году в Верхоленском остроге проживало: посадских – 167 человек, крестьян – 5. «разночинцов и дворовых, большею частию на пашне состоящих – 330, «ясашных и с подростки (так в оригинале – Е.В., А.В.)» - 5604, всего – 6106 человек.

С 1857 года получил статус уездного города.

в 1878 году значится город Верхоленск, в котором находились: Окружное полицейское управление, Верхоленское волостное и сельское правления, а также почтовая станция, мужское и женское начальные училища, 2 деревянных церкви, 3 часовни, больница, богадельня, окружная тюрьма, 7 торговых лавок, 2 оптовых склада вина, 6 питейных домов, 1

ренсковый погреб (магазин, торгующий алкогольными напитками на вынос – Е.В., А.В.). По семейным спискам, составленным в 1874 году, в городе проживало 475 лиц мужского пола и 469 – женского (ф.32, оп.6, д.6, лл.303-304).

По состоянию на 1888 год к городу было причислено 149 купцов, столько же мещан из ссыльных, 107 мещан из купцов и другого сословия (ф. 161, оп.2, д.234, лл. 7-57. Копия именного списка купцов прилагается – лл. 27-38). В пору своего экономического расцвета Верхоленик славился купеческими династиями. Самыми богатыми из них были Большедворские, Шульгины, Купцовы и Соловьевы.

В 1921 г. в г. Верхоленике имелась лечебница для содержания 30 стационарных больных (ф.р-332, оп.1, д.9, лл. 23, 25) Также имелся детский сад, который посещало 50 детей. (ф. р-155, оп. 1, д.1, л.6об.). 21 декабря 1921 г. состоялось заседание комиссии по организации Верхоленинского педагогического техникума, на котором было решено назначить временным заведующим техникумом М.П. Черепанова. В 1925 преобразован в село.

5 июня 1941 г. состоялось заседание исполнительного комитета Верхоленинского сельского Совета депутатов трудящихся. Было заслушано сообщение председателя сельисполкома т. Толмачёва С.А. Он сообщил, что дом, занимаемый конторой Лензолотофлота, раньше был домом кулака Нечаева. При раскулачивании его дом перешёл в распоряжение сельсовета, а затем во временное пользование конторе Лензолотофлота. Дом кулака Тюменцева также был передан Лензолотофлоту под мастерскую. На заседании постановили: по случаю ликвидации пристани в Верхоленике, дома, занимаемые конторой и мастерской Лензолотофлота, передать Верхоленинской неполной средней школе и школе-интернату (ф.р3232, оп.1, д.25, л.5) [17].

В 2024 гг. 60 зданий в селе Верхоленик получили статус объектов культурного наследия. Всего Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области было обследовано 93 здания.

Рис.7. с. Верхолensk. Наличник дома ул. Федосеева, 20. Фото авторов
Здание казначейства. Позднее здесь располагалась больница

Наличники окна (рис. 7) украшены орнаментом из трех колец. Возможно, они являются религиозными символами Святой Троицы (Отца, сына и святого духа).

с. Оек. Иркутский район.

Село Оёк вольно раскинулось в долине реки Куды. Во второй половине XVII века эта местность, удобная для сельского хозяйства, привлекла русских земледельцев. Точная дата основания села неизвестна. По данным Сибирской советской энциклопедии, изданной в 1936 году, годом основания Оёка значится 1654 год. С 1730-х годов в Сибири были проведены мероприятия по созданию регулярного почтового движения. Оек оказался расположенным на Якутском тракте, что сыграло огромную роль в становлении и развитии села. Тракт обеспечивал связь с северными регионами страны, соединяя Иркутск с Якутском. Благодаря удобному расположению село активно заселялось новыми переселенцами [10].

В Оёке на поселении жили декабристы Федор Федорович Вадковский и Сергей Петрович Трубецкой с семьей [3, 4].

К концу XIX века Оек был большим селом и являлся центром одноименной волости. В 1903 году в селе насчитывалось 400 дворов [10].

Семью Трубецкого в Оеке посещали декабристы, поселенные в близлежащих окрестностях (Урике, Куде, Хомутове, Тугутуе).

Об Оеке, своей малой родине, оставил воспоминания революционер и советский государственный деятель Петр Михайлович Никифоров (1882-1974): «В далекой Сибири, на историческом пути политической ссылки — Якутском тракте, стояло большое село Оек. Посередине села белела каменная церковь, а недалеко от нее приютилась старенькая, покосившаяся сельская школа. Напротив школы на крепких воротах — большая вывеска, написанная золотыми буквами: «Склад вина и спирта». Оек был первым привалом партий каторжан и ссыльных, которых отправляли из Александровского централа и из иркутской тюрьмы в якутскую ссылку» [цит. по 5].

Рис. 8. с.Оек. Наличники дома по ул. Кирова, 103. Фото авторов

Барочный наличник (рис.8). Широкая лобань украшена единственным орнаментом: накладной розеткой в виде пятилистного цветка.

Рис. 9. с.Оек. Наличники дома по ул. Кирова, 103. Фото авторов

На фасаде наличника (рис.9) изображен довольно редко встречающийся орнамент рыбы (символ рыба — это христианский орнамент).

Выводы.

1. Сравнительно немного исследований и публикаций по наличникам малых населенных пунктов Иркутской области.

2. Наличники – уникальный объект для историко-культурного изучения (историками, архитекторами, реставраторами, искусствоведами, краеведами). «Во всех населенных пунктах Иркутской области, основанных в XVIII–XIX веках, еще можно встретить сохранившиеся старинные

деревянные дома, имеющие архаичные конструктивные элементы, заслуживающие особого внимания специалистов» [1]

3. Наличники – интересный объект для туристско-познавательных экскурсий и фотосъемки. Подобные тематические экскурсии проводятся в Иркутске. В малых населенных пунктах Иркутской области такие экскурсии могут быть частью этнографического и сельского туризма. Подобный опыт описан [2].

4. Ветшающие и разрушенные дома вызывают неоднозначное восприятие: с одной стороны чувство разрушения, утраты, но с другой стороны – как уникальная часть дошедшей до нас истории, которую мы можем запечатлеть и изучать.

5. Довольно часто также можно встретить жилые (обновленные или постройки последних годов) дома, окна которых украшены наличниками современных стилей. Они уже не несут глубокий смысл, а являются декоративно-художественным оформлением фасада дома.

6. Изучив на первом этапе исторические и стилистические особенности наличников в выше перечисленных населенных пунктах, мы приходим к выводу, что создатели-мастера деревянной архитектуры и владельцы домов скорее всего, мало заботились о том, чтобы вложить глубокий смысл в орнаменты наличника. Многочисленные классификации стилистических особенностей, расшифровка символов в орнаменте наличника – это уже продукты научной и практической деятельности ученых и специалистов. Взгляд человека, не владеющего специальными познаниями, воспринимает декор наличника как предмет искусства, в котором он видит красоту, историю и мастерство его создателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асалханова Е.В. Мотив «бараний рог» и другие стилистические особенности декора деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области во второй половине XIX — начале XX веков // Баландинские чтения. 2021. Том XVI. С.98-103.

2. Васильева Е. Н., Машинская М. Л. Оконные наличники как элементы этнографического и сельского туризма // Туризм и сервис в панораме тысячелетий». Вып. 3. М., 2011.
3. Винобер А.В. С Оеком связанные судьбы. Очерк первый / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2021. 1(4). С. 46-60.
4. Винобер А.В. С Оеком связанные судьбы. Очерк второй. Сергей Петрович Трубецкой / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее .2021. №2(5). С. 9-16.
5. Винобер А.В. С Оеком связанные судьбы. Очерк четвертый / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2024. №1(8). С. 47-55.
6. Винобер А.В. История села Капсал: легенды, предания и факты / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое - настоящее - будущее. 2024. 2(9). С. 12-30.
7. Винобер А.В. [Капсал: современность и история](#) / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2025. 2(11). С. 60-65.
8. Деревянные наличники старинных домов п. Усть-Ордынский Усть-Ордынского // Администрация МО Усть-Ордынское : сайт. Режим доступа: <http://xn----htbdoedmgffk4ij.xn--p1ai/derevyannye-nalichniki-starinnykh-domov-p-ust-ordynskiy-ust-ordynskogo.html> (Дата обращения 01.06.2026).
9. Информация об истории развития муниципального образования «Захальское» // Администрация муниципального образования «Захальское». Режим доступа: <http://zahalskoe.ehirit.ru/istoriya-poseleniya.html> (Дата обращения 09.06.2026)
10. История // Администрация Оекского муниципального образования: сайт. Режим доступа: <https://oek-adm.ru/poselenie/istoriya/> (Дата обращения 09.06.2026).
11. История села Алужино. Режим доступа: <https://aluginino.ehirit.ru/istoriya-poseleniya.html> (Дата обращения 5.06.2026)
12. Колосова И.И., Остроухова Е.А. Этапы становления и развития декора в деревянной архитектуре Томска (на примере наличников) // Вестник ТГАСУ. 2013. №3 (40). С. 118-131.
13. Крюкова Ю.Е., Шагов Н.В.. Эволюция оконного проема деревянного городского жилища Сибири (XVII – начало XX в.) // Вестник ТГАСУ. 2013. №3 (40). С. 88-96.
14. Лебединский Б.И. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа дер. Грановщина / Б. И. Лебединский. - Иркутск : Власть труда, 1929. - 12 с.
15. Марков А.В., Штайн О.А. Наличники как культурное наследие: теоретические параметры изучения // Культурное наследие России. 2025. №2 (49). С. 23-31.
16. Махнёв Ю.С. [Опыт дизайнерского оформления товаров народного потребления в свете материальной культуры России. Резной наличник, как пример товара народного потребления, его пластическая и содержательная](#)

основа / Ю.С. Махнёв // От учителя к ученику школа рисунка, живописи и дизайна факультет прикладного искусства Московского текстильного института – Институт искусств РГУ ИМ. А.Н. Косыгина: Сб. мат. межвузовского научно-практического круглого стола (Москва, 01 декабря 2021 года). Москва. 2022. С. 30-36.

17. Село Верхоленск. Качугский район. Архивная справка. Режим доступа:

<https://xn--80afqy.xn--p1ai/resources/arhiv-inet/v/%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA,%20%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE,%20%D0%9A%D0%B0%D1%87%D1%83%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD.pdf> (Дата обращения 27 июня 2026).

18. Шишканов В. С. Классификация исторической деревянной застройки города Иркутска по принципу оконного деревянного обрамления // Вестник ИрГТУ. 2011. №2 (49). С. 308-312.

19. Электронная выставка "Наличники Иркутска" // Иркутский областной краеведческий музей : сайт. Режим доступа:

<https://iokm.ru/2023/01/14/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%B8%D1%80%D0%BA%D1%83/> (Дата обращения 5.06.2026)

E.V. Vinober, A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

**FROM OBSERVATIONS ON THE DECORATION OF WINDOW
FRAMES IN SMALL SETTLEMENTS OF THE EHIRT-BULAGATSKY,
KACHUGSKY AND IRKUTSK DISTRICTS OF THE IRKUTSK REGION
(THE VIEW OF LOCAL HISTORIANS)**

The first part of the article is a brief literary review of the research on the historical, aesthetic and stylistic aspects of architraves. The second part presents author's photographs of platbands from the Irkutsk, Ehirit-Bulagatsky and Kachugsky districts of the Irkutsk region with brief comments on the filming location.

Keywords: window trim, window decor, wooden architecture, ornament, Irkutsk region

Поступила в редакцию 18 июня 2026

В журнале публикуются исследования самого широкого естественнонаучного и гуманитарного спектра о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

Рубрики

Антропология	Охотничье хозяйство
Археология	Педагогика
Архивоведение	Психология
Библиотечковедение	Сельское хозяйство
Валеология	Социология
География	Туризм и рекреация
Геология	Филология
Заповедное дело	Философия
Здравоохранение	Футурология
История	Экология
Краеведение	Экономика природопользования
Культурология	Экскурсоведение
Лесное хозяйство	Этнография
Музейное дело	

Фонд биосферного хозяйства

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru

Соц. сети: https://vk.com/virtual_school_of_rural_tourism